
цикл «Веер обреченных»
Отпечаток в треснувшем зеркале

Валерий Савицкий

Отпечаток в треснувшем зеркале

«Автор»
2026

Савицкий В. С.

Отпечаток в треснувшем зеркале / В. С. Савицкий — «Автор», 2026

В мире, где выгоревшие маги после смерти превращаются в казённые кристаллы, учёт значит не меньше, чем сталь.Убийство мага на северной дороге грозит стать поводом для большой войны. Кристалл исчез, улики указывают на пограничных диверсантов, а начальство ждёт от следователя Матвея Корина только одного — удобной подписи под готовым обвинением. Но Корин не привык верить документам, в которых почерк меняется на полуслове, а свидетелей уводят под видом законного караула.Объединив усилия с архивисткой Элианой Вель, способной заметить подмену по оттенку чернил и волокнам бумаги, он идёт по следу пропавших кристаллов. Расследование уводит их от дорожной грязи в тишину королевских архивов, закрытые дворы охотничьих гильдий и поместья столичных лордов. За сухими номерами отчётов обнаруживается след безжалостной системы, в которой магов могут намеренно доводить до предела ради наживы. Но как доказать правду, если против тебя играют те, кто сам пишет законы и хранит печати?

© Савицкий В. С., 2026
© Автор, 2026

Валерий Савицкий
Отпечаток в треснувшем зеркале

Глава первая: Новое дело

На месте меня встретил ветер.

Он шёл с севера, с равнины, тянул по земле пепел и сухую траву и забирался под воротник так, будто имел на это право. Я остановился у сломанного колеса повозки и оглядел поле. После боя здесь остались неглубокие колеи, примятая осока, обрывки ремней и несколько пятен тёмной крови. Вдалеке, за низким холмом, темнела полоса леса. До него было достаточно близко, чтобы человек мог добраться пешком за час, и достаточно далеко, чтобы не успеть скрыться от конного дозора.

— Следователь Корин? — окликнул меня караульный.

Я показал жетон. Он не стал сверять имя с бумагой — похоже, уже ждал меня. Лет тридцати, с обветренным лицом и свежей царапиной на подбородке. Правая рука лежала на ремне у меча. Не угрожающе; скорее по привычке. Люди у места боя держатся за оружие так же, как горожане за дверную ручку, если ночью услышат шаги в коридоре.

— Старший дозора у повозки, — сказал он. — Писарь там же. Остальных отправили к дороге.

— Кого именно «остальных»?

Караульный замялся.

— Тех, кто не нужен для осмотра.

Я посмотрел на него. Он отвёл глаза первым.

— Сколько тел?

— Три нашли. Одно у повозки, два ближе к камням.

— А сколько было до боя?

— Не знаю.

— Кто знает?

— Дозорный старший.

— Тогда начнём с него.

Я не любил, когда людей убирали с места раньше, чем их успевали спросить. Иногда это делалось из разумной осторожности. Иногда — потому что кто-то не хотел, чтобы они заговорили. Между этими объяснениями могла уместиться вся разница между обычным делом и тем, которое потом вспоминали годами.

Старший дозора, широкоплечий мужчина с седыми висками, стоял возле повозки и спорил с писарем. Писарь прижимал к груди папку, словно боялся, что её отнимут вместе с головой. На моё приближение оба замолчали.

— Следователь, — сказал старший дозора. — Я всё изложил в донесении.

— Тогда повторить будет нетрудно.

Он нахмурился, но ответил:

— Ночью услышали шум. Дозор пошёл проверить. На поле обнаружили повозку и людей. Среди них был маг. До того как мы добрались, он уже погиб. Остальные разбежались или были убиты. Мы нашли троих.

— Кто сообщил о шуме?

— Пастух с хутора.

— Где он?

— Уехал домой.

— Почему?

— Ему разрешили.

Я посмотрел на писаря. Тот уткнулся в папку.

— Кто разрешил?

— Я, — сказал старший дозора. — Человек перепуган. С него хватит.

— Его имя в донесении есть?

— Должно быть.

— А слова записаны дословно?

— Нет. Он сказал, что услышал шум.

— Какой именно?

— Грохот. Крики. Он не различал.

— Но вы различили, что он перепуган.

Старший дозора поджал губы. Я не стал продолжать. Ещё одно давление сейчас ничего не дало бы, кроме ответов, которые он считал безопасными. Сначала стоило посмотреть на поле.

Повозка стояла боком к дороге. Одно колесо сломалось, другое было целым. На борту виднелся длинный след удара, но древесина не раскололась. Лошади не было. Ремни у оглобель висели свободно, один был перерезан. Кровь на земле начиналась у передней оси и тянулась к камням. Не ручьём — отдельными тёмными пятнами, будто раненый двигался медленно и несколько раз останавливался.

Я присел у первого пятна, не касаясь его.

— Сколько времени прошло до вашего прибытия?

— Около часа, — ответил старший дозора.

— Откуда знаете?

— Пастух сообщил, когда услышал шум.

— Он назвал время?

— Примерно.

Я вынул блокнот и записал: пастух; шум; время приблизительное; опрошен не мной. Затем измерил шагами расстояние до следующего пятна. Семь шагов. Потом ещё девять. Человек, который оставил кровь, шёл не прямо к дороге, а от неё — к камням.

— Это след мага? — спросил писарь.

— Пока это след крови.

— Но маг погиб, — сказал старший дозора. — И если он стал Обречённым, кристалл должен был появиться. Мы его не нашли. Значит, его забрали нападавшие.

Он произнёс это так, будто в донесении уже оставили пустую строку именно для такого вывода.

— Маг действительно стал Обречённым? — спросил я.

— Очевидцы говорят, его веер был исчерпан.

— Какие очевидцы?

Старший дозора указал на двух караульных у повозки. Один выглядел совсем юным, второй был старше и держал ладонь на повязке у плеча.

— Они видели, как он колдовал, — сказал тот. — Потом упал. Кристалл нашли бы рядом с телом. Но там ничего не было.

— Вы знаете, что он был Обречённым, или предполагаете, потому что после его смерти не нашли кристалл?

Караульный отвёл взгляд.

— Он сказал, что больше не может, — ответил молодой. — Перед тем как упасть.

Я посмотрел на него внимательнее.

— Что именно сказал?

— «Не осталось». Потом уже ничего.

Слова могли означать многое. Веер будущего мага сужался с каждым применением силы, но ни сам маг, ни окружающие не видели, какие именно пути он терял. Когда веер иссякал

полностью, человек становился Обречённым: он мог пользоваться прежней силой, но новые возможности уже не открывались. После его смерти неизменно образовывался кристалл.

Если этот маг действительно стал Обречённым, кристалл должен был быть здесь. Если же он не успел исчерпать веер, пропажа кристалла могла оказаться ошибкой в донесении, слухом или намеренной ложью. Я пока не знал, какой вариант хуже.

— Тело где?

— У камней, — сказал старший дозора. — Но мы решили его не трогать.

— Правильно решили.

У самой повозки лежал мужчина в серой куртке. Его перевернули на спину, но не обыскали: руки были раскрыты, поясной мешок оставался на месте. На пальцах не было колец. На шее — след от удара, неглубокий, не смертельный. Смерть наступила не от него: рубаха пропиталась кровью слева под рёбрами. Меч или узкий клинок. Я не видел входного отверстия целиком — ткань прилипла к коже, и я не стал её отрывать.

Рядом валялась застёжка от дорожного плаща. На ней не было герба. На земле отпечатались два разных рисунка подошв. Один тяжёлый, с широким каблуком; другой — мелкий, с частыми насечками. Следы пересекались у тела, но уходили в разные стороны. Одна цепочка вела к дороге, другая — к камням.

— Кто его опознал? — спросил я.

— Никто, — сказал старший дозора. — Документы не нашли.

— А имя мага?

Писарь раскрыл папку.

— В предварительной ведомости значится Ревек, — сказал он. — Только фамилии нет. Отряд сопровождения называл его именно так.

— Кто составлял ведомость?

— Я, по словам дозора.

Я посмотрел на лист. Имя было выведено ровно, чернила ещё казались свежими. Под ним оставили пустую строку для фамилии и пометку: «подозревается в связях с Ровеном». Слова «подозревается» были зачёркнуты. Сверху вписали: «установлено».

Почерк в обеих строках был одинаковым.

— Кто исправил формулировку?

Писарь побледнел.

— Мне сказали внести уточнение.

— Кто?

— Старший караула в городе.

— Он здесь был?

— Нет.

Я закрыл папку и вернул её писарю.

— Пока это не доказательство связи с Ровеном. Это исправленная бумага. Внесите в копию, кто распорядился изменить слово, и когда.

Старший дозора шумно выдохнул.

— Мы на грани войны, Корин. Если это ровенцы, задержка может стоить людям жизни.

— Если это не ровенцы, поспешность может стоить им не меньше.

Он отвернулся и посмотрел на поле. Я понял его довод. В городе каждый день слышали новые слухи: на границе видели чужие отряды, обозы задерживали, торговцы считали запас зерна и спорили о том, закрывать ли дорогу. Некоторым была выгодна война — кристаллы после боёв, земли, должности, контракты. Большинство же хотело лишь, чтобы следующая зима пришла без осады.

Но страх не превращал догадку в улику.

— Покажите два других тела, — сказал я.

Первое лежало у камней. Женщина, судя по одежде, не военная. На ладонях — ссадины, на рукаве — разрез. Она могла упасть, могла ползти, могла держаться за камни, пытаясь подняться. Лицо было обращено к земле. Я попросил караульного не трогать тело, пока не придёт лекарь, и отметил, что кровь у её плеча уже подсохла.

Второй погибший лежал дальше, ближе к низкому уступу. На нём была короткая кожаная куртка и пояс с ножнами. Ножны пусты. Сам нож нашёлся в траве в нескольких шагах, лезвие очищено слишком тщательно для случайно упавшего оружия. Человек был убит ударом в грудь. Ни кошеля, ни бумаг при нём не оказалось.

— Вы знали, что он носил нож? — спросил я старшего дозора.

— Да.

— Кто его забрал?

— Никто. Мы нашли нож там.

— А ножны были пусты, когда нашли тело?

— Не помню.

Я посмотрел на его руки. На правом рукаве засохла грязь, а у манжеты прилипла тонкая травинка. Он был на поле недавно, конечно; но и после обнаружения тел мог подойти близко. Я не стал спрашивать, что именно он трогал. Мне нужно было знать, что он помнил, а не чего боялся.

— Кто последний видел мага живым?

— Караул, — ответил он.

— И кто из караула видел, как он применял магию?

Молодой караульный шагнул вперёд.

— Я видел вспышку у камней. Не знаю, что он сделал. Потом второй раз — и он упал.

— А Обречённым он стал до или после второго раза?

— Не знаю.

— Хорошо. Это честный ответ.

Юноша моргнул, будто ожидал упрёка. Я и сам не сразу понял, почему сказал это вслух. Может быть, потому что мне слишком хорошо была знакома цена уверенности, которая не опиралась ни на что, кроме чужого ожидания.

В начале службы я однажды поддержал версию старшего следователя. Улики складывались гладко, свидетель путался, а времени было мало. Я решил, что сомнения — это слабость, и поставил подпись. Свидетеля признали соучастником. Через несколько недель выяснилось, что он говорил правду, но к тому времени его уже избили в камере и лишили работы. Его имя я помнил лучше, чем имена некоторых людей, которых задержал сам.

Я не собирался повторять ту ошибку ради удобства начальства, страха перед Ровеном или красивой ведомости.

С холма донёсся стук копыт. К нам подъехал ещё один всадник и спрыгнул на землю, не дожидаясь, пока лошадь остановится. Высокий, в потёртой куртке охотничьей гильдии, с длинным мечом за плечом. Его рост делал повозку ниже, чем она была на самом деле. Он снял перчатку и протянул мне руку.

— Торен Вейр. Капитан охотников. Меня попросили проверить, не осталось ли здесь следов Обречённого.

— Нашли?

— Пока только следы боя.

Он говорил спокойно, но осматривал поле так, словно мысленно уже расставил людей по местам. На рукаве у него темнела свежая полоса грязи; на ремне висела стальная фляга. Я заметил, что он держится чуть в стороне от остальных. Не одинокий, а привычный к тому, что перед решением лучше оставить себе пространство.

— Вы были на охоте? — спросил я.

— Вчера. На южном тракте нашли Обречённого. Но его не было здесь.

— Отряд цел?

Он задержал взгляд на мне на долю секунды дольше, чем требовалось.

— Нет.

Я не стал спрашивать сразу. Иногда молчание было единственным способом не превратить чужую потерю в ещё один пункт донесения.

Торен посмотрел на тело у повозки, потом на камни.

— Если маг стал Обречённым, после смерти должен был остаться кристалл, — сказал он. — Но сам факт пропажи ещё не говорит, кто его забрал.

— Это уже второй человек за сегодня, который сказал разумную вещь, — заметил я. — Надеюсь, день не испорчен окончательно.

Уголок его рта дрогнул, но улыбкой это не стало.

— Не рассчитывайте на удачный исход только потому, что начали с осторожности.

— Не рассчитываю.

Я вернулся к повозке. На внутренней стороне борта, почти скрытый слоем грязи, виднелся отпечаток круглой печати. Не казённой: у неё был бы двойной обод и знак хранилища. Здесь осталась только часть узора — три коротких штриха и длинная черта. Я смахнул грязь краем ткани, не касаясь самого отпечатка.

Писарь наклонился рядом.

— Это может быть знак торговца, — сказал он.

— Может.

— Или гильдии.

— Может.

— Или ровенский знак.

— Это тоже может. Поэтому пока ничего не значит.

Я записал форму печати и приказал никому не перемещать повозку. Потом отметил для себя, что ремень у оглобель был перерезан, лошадь исчезла, кристалла не нашли, а слово в ведомости изменили до того, как я увидел поле. Четыре факта. Ни один пока не объяснял остальные.

Ветер снова прошёл по траве. На миг мне показалось, что у камней кто-то шевельнулся. Я обернулся, но там никого не было — только длинные тени и тёмная полоса леса за холмом.

— Следователь, — позвал старший дозора. — Что писать в донесении до вашего заключения?

Я посмотрел на него, затем на пустую строку под именем Ревек.

— Пишите, что трое погибших найдены после столкновения, обстоятельства не установлены. Маг, возможно, исчерпал веер; подтверждения пока нет. Кристалл не обнаружен. Связь с Ровеном не доказана.

— Это задержит решение.

— Значит, решение подождёт.

Я закрыл блокнот. На поле оставались следы, которые могли исчезнуть к вечеру, и люди, которым было что скрывать. Начинать следовало не с того, кто удобнее всего подходил на роль виновного, а с того, кто видел мага последним. И с пастуха, которого отправили домой, не записав ни одного точного слова.

Глава вторая Архивная запись

К полудню я успела дважды переписать одну и ту же строку и трижды объяснить господину Левару, что королевский архив не выдаёт документы по просьбе человека, который не назвал ни дела, ни номера, ни даже фамилии.

— Я же сказал: срочно, — повторил он.

— Срочность не заменяет запись в журнале.

Левар посмотрел на меня так, будто журнал был личным оскорблением. Он служил в управлении снабжения, судя по тёмно-зелёному воротнику и медной застёжке с гербом Вальдена. Я видела его прежде в читальном зале, но мы не были знакомы. Он приходил за ведомостями перевозок, всегда торопился и оставлял за собой запах табака и раздражения.

— Мне нужен журнал перемещений кристаллов за прошлый месяц. Только сверить одну запись.

— Тогда назовите номер записи.

— Я не знаю номера.

— Назовите хранилище.

— Не знаю.

— Получателя?

— Вель, вы ведь понимаете, что это не обычный запрос.

— Именно поэтому он должен быть оформлен правильно.

Он сжал губы. Я подвинула к нему чистый бланк и перо.

— Заполните, пожалуйста. Если вопрос касается расследования, укажите, кто его ведёт.

— Следователь Корин, — сказал он после паузы. — Так достаточно?

Перо замерло над бумагой в моей руке.

— Это не номер дела.

— Но дело есть. На поле у северной дороги нашли мёртвых. Один из них маг. Кристалл пропал. Вы же слышали.

Я слышала. В архиве новости всегда приходили раньше официальных запросов и позже первых слухов. Утром переплётчик принёс корзину испорченных книг и сказал, что на тракте опять драка. Через час младший писарь пересказал версию стражника: ровенские диверсанты напали на обоз. Теперь господин Левар произносил то же самое, только добавлял пропавший кристалл, будто это уже было установлено.

— Пока я слышала только слухи, — сказала я. — Вы просите доступ к реестру. Без основания я не могу открыть его ни вам, ни себе.

— Но вы же архивистка.

— Это не означает, что я могу смотреть любые записи.

Он всё-таки взял бланк, но вместо того, чтобы заполнить его, постучал пером по пустой строке.

— Вы всегда такая осторожная?

— В документах — да.

— А в остальном?

Я посмотрела на него. Он улыбнулся, но улыбка вышла усталой, без тепла. Вопрос был неуместен, однако я ответила не сразу. Последние месяцы я слишком часто выбирала молчание, даже когда оно ничего не защищало. Но и говорить о себе человеку, который пришёл за чужими записями без номера дела, было бы ещё одной ошибкой.

— В остальном зависит от того, кто спрашивает.

Левар тихо хмыкнул, оставил бланк пустым и ушёл.

Я вернулась к описи, но сосредоточиться уже не могла. В голове всё время звучали слова: «Кристалл пропал». Кристаллы принадлежали казне. Их происхождение устанавливали по зарегистрированным отпечаткам и обстоятельствам появления; одного следа поглощения было недостаточно, чтобы назвать источник. Мерильные зеркала могли обнаружить, что кто-то поглотил кристалл, но зеркала стоили дорого, специалистов было мало, а реестры не всегда успевали за людьми, которые умели подделывать бумаги.

Если кристалл действительно исчез, следовало проверить, что именно исчезло: предмет, запись о нём или только уверенность тех, кто пересказывал историю.

Я закрыла опись и достала каталог казённых поступлений. Это не было расследованием. Я могла проверить лишь открытые для архивистов сведения и не имела права начинать самостоятельный просмотр запечатанных документов. Но в каталоге за прошлый месяц нашлась отметка о трёх кристаллах, принятых в хранилище Вальдена после охоты на Обречённого. Все три были внесены с номерами, датами и подписями двух служащих.

В строке следующего дня стояла помета: «сверка проведена». Подпись была знакомой — К. Дорн, старший регистратор. Он всегда выводил букву «К» с длинным нижним крюком. Здесь крюк был коротким.

Я поднесла страницу ближе к окну. Разница могла быть простой усталостью. Люди меняли почерк, если писали стоя, в спешке или плохим пером. И всё же отметка была поставлена не в обычной графе, а на поле, у самого сгиба, и чернила отличались оттенком.

— Элиана, — позвала из соседнего стола Мирта, переплётчица. — Ты опять разговариваешь с бумагой?

— Она хотя бы отвечает по делу.

Мирта фыркнула и положила передо мной стопку прошитых листов.

— Тогда спроси у неё, кто вырвал лист из описи за восточное хранилище.

Я провела пальцем по корешку. Один шнур был перерезан, другой распущен и завязан заново. На нескольких листах остались крошечные бумажные волокна, но вырванный лист забрали аккуратно. Это не было старым повреждением: свежий край ещё не успел потемнеть.

— Когда заметила?

— Только что. Вчера книга лежала в шкафу.

— Кто брал ключ?

— Дежурный выдал его мне утром. До меня — никому, по журналу.

— По журналу или по памяти?

— И то и другое. Я сама забирала. Ключ был у меня до обеда.

— А потом?

— Отнесла его дежурному. Он расписался.

Мирта наклонилась над страницей, но не коснулась её.

— Это к делу о кристалле относится?

— Не знаю.

— Ты всегда так говоришь, когда уже знаешь.

Я выровняла листы. Мирта была одной из немногих, кто умел задавать вопрос и не требовать ответа. Она работала в архиве дольше меня, помнила, какие шкафы скрипят, какие чиновники любят оставлять грязные отпечатки на чистых страницах, а какие приходят с чужими ключами.

— Я знаю, что лист вырвали недавно, — сказала я. — И что в журнале ключей может быть не всё.

— Вот это уже похоже на ответ.

Она направилась к своему столу. Я записала номер описи, положение вырванного листа и время, когда повреждение обнаружили. Потом попросила дежурного показать журнал ключей. Он долго искал нужную страницу, ворчал на плохой переплёт и уверял, что у него порядок.

Запись за вчерашний день была аккуратной. Ключ от восточного шкафа выдан Мирте в восьмом часу. Возвращён в одиннадцатом. Ниже стояла ещё одна подпись, сделанная тем же пером, но без имени: короткая черта и круглая петля.

— Кто расписался? — спросила я.

Дежурный нахмурился.

— Не знаю. Наверное, Мирта отметила, что вернула ключ.

— У неё рядом полная подпись.

— Значит, помощник.

— Какой помощник?

— У нас их несколько.

— Назовите одного, кто вчера работал в архиве после одиннадцати.

Он пожал плечами. Я не стала спорить. В журнале значились имена всех дежурных, но не помощников, которым иногда поручали передать ключ или отнести книгу. Это было не преступлением само по себе. Это было удобным способом оставить чужое действие без имени.

Мирта принесла мне два куска бумаги с повреждённого корешка.

— Посмотри, — сказала она. — Я ничего не склеивала.

Волокна совпадали с краем вырванного листа. На одном остался след чернил — тонкая синяя линия. Я сверила цвет с отметкой о вчерашней сверке и увидела, что оба чернила почти одинаковы.

Почти.

Один оттенок уходил в серый, другой — в зелёный. Различие было слабым, и без образца оно ничего не доказывало. Но регистраторы пользовались казёнными чернилами; в каждой партии фиксировали дату выдачи. Если запись была изменена, это можно было проверить по запасам, если только кто-то не подменил и их.

— Ты будешь сообщать начальнику? — спросила Мирта.

— Сначала выясню, есть ли основание для сообщения.

— А если начальник сам в этом замешан?

— Тогда сообщение ему ничего не даст.

Мирта внимательно посмотрела на меня. Я услышала, как в читальном зале кто-то передвинул стул, затем снова зашептал. Мы обе замолчали, пока звук не стих.

Я не сказала Мирте, почему слова о начальнике задели меня. Два года назад я уже видела, как одно неверно внесённое имя может превратить человека в подозреваемого. Тогда я была младшим архивистом и обнаружила расхождение в карточках. Старший служащий велел исправить запись, сказав, что это обычная ошибка переписчика. Я подчинилась. Позже выяснилось, что карточку изменили намеренно, чтобы скрыть перевод человека из одного ведомства в другое. Дело обошлось без суда, но служащего уволили, а я долго думала, можно ли было остановить это раньше, если бы я задала ещё один вопрос.

С тех пор я старалась не делать вид, что порядок на бумаге равен правде. И всё же у меня не было права на беспорядочные обвинения. Я знала цену и тому, и другому.

После полудня я отправилась к торговцам у западной галереи. Не за сведениями о кристаллах — такие вопросы привлекли бы внимание. Мне нужно было купить бумагу для переплёта, а у старого Нерма она была плотнее и дешевле, чем в лавке возле архивной площади.

— Ты опять берёшь серую, — сказал он, когда я разложила на прилавке монеты.

— Она не бликует при свете.

— Люди обычно покупают бумагу, чтобы на ней читали.

— Я покупаю её, чтобы на ней работали.

— Вот поэтому ты не богатеешь.

— А ты продаёшь бумагу, которая не бликует.

Нерм засмеялся и отмерил два листа. Я взяла ещё маленький свёрток сушёных слив — не по списку, просто потому что с утра не успела поесть. Он завернул их в обрезок бумаги и сунул мне сдачу.

— На северной дороге сегодня необычно тихо, — сказал он. — Дозорные гоняют обозы обратно к городу. Ты слышала про нападение?

— Только слухи.

— Говорят, там ровенский маг. Говорят, кристалл пропал. Говорят, скоро закроют тракт.

— Кто говорит?

— Все, кто хочет продать что-нибудь до того, как тракт закроют.

Он сказал это без злости, просто как человек, который видел, как слухи поднимают цены. У него в лавке лежали мешки с солью и сушёными фруктами; если дорогу перекроют, половина товара испортится или уйдёт за двойную цену. Война приносила кому-то новые земли и кристаллы с поля боя. Нерму она грозила пустыми полками.

— Ты видел тех, кто приехал с севера? — спросила я.

— Только двух возчиков. Один купил ремень, второй — воду. Оба сказали, что на тракте много стражи.

— Из какого они обоза?

— Не знаю. Я не спрашиваю у каждого покупателя, куда он едет.

В этом не было ничего подозрительного. Я всё равно записала имена возчиков, если Нерм их помнил. Он вспомнил только прозвище одного — Сурый. Второго видел впервые.

Я шла обратно в архив, когда у ворот меня окликнул мальчишка-разносчик. Он протянул сложенный лист с печатью управления следствия. Внутри была просьба подготовить к утру записи по казённым кристаллам, принятым за последние тридцать дней. Подписано следователем Матвеем Кориным.

Я перечитала строку. Теперь у слуха было имя, а у запроса — официальное основание. Я могла работать с каталогами и открытыми регистрационными копиями, но не с запечатанными материалами хранилища. Для них требовался отдельный допуск.

На обратном пути я зашла в архивную кухню. Там оставались хлеб, сыр и остывший травяной чай. Я съела всё стоя у окна, наблюдая за площадью. Люди спешили мимо, будто каждый уже знал, что именно случилось на северной дороге и кого следует обвинить. Один стражник остановил торговца с корзиной, проверил бумаги и отпустил его. Торговец продолжил путь, но теперь держал корзину обеими руками.

Мне хотелось пойти к Корину сразу. Но в запросе было только имя и подпись, без времени встречи и без просьбы о разговоре. Если я явлюсь к следователю с догадкой о поддельной записи, не имея самой записи, я лишь добавлю ещё один слух к остальным.

Я вернулась к каталогу и выписала номера всех открытых поступлений кристаллов за последний месяц. Три записи были чистыми. Четвёртая выглядела как обычная отметка о сверке, но её подпись не совпадала с привычной манерой К. Дорна. Я приложила к выписке описание, не вывод: «почерк требует проверки; оттенок чернил отличается; выяснить дату выдачи партии».

Затем сверила номера поступлений с журналом перевозок. Один кристалл был доставлен из северного округа на день позже, чем значилось в сопровождающей бумаге. Возможно, дорогу задержал дождь. Возможно, писарь перепутал даты. Но маршрут отмечался двумя разными руками, а исправление внесли без подписи.

На полях я написала: «Проверить, кто имел доступ к журналу после закрытия». Подумала и добавила: «Не считать это доказательством кражи».

Вечером Мирта предложила зайти в таверну за архивной площадью. Я хотела отказаться: у меня оставалось слишком много работы. Потом поняла, что уже час читаю одну и ту же строку и не запоминаю её.

Таверна называлась «Старый мост». Внутри пахло хлебом, дымом и мокрой шерстью. Несколько служащих ужинали за дальним столом; двое спорили о том, следует ли отправить на север ещё один отряд. Хозяин поставил перед нами миску тушёной фасоли и кружки слабого эля.

— Говорят, на поле нашли троих, — сказала Мирта. — И что один был Обречённым.

— Кто сказал?

— Мой брат видел караульного. Тот был на заставе.

— Караульный сам видел мага?

— Не знаю.

— Тогда у нас пока есть только слова брата о словах караульного.

— Ты даже за ужином не умеешь оставить дело в покое.

— Умею. Просто не сегодня.

Мы поели. Мирта рассказывала о племяннице, которая собиралась поступать в городскую школу, а я слушала и впервые за день не пыталась искать в каждом её слове подтверждение чьей-то версии. Потом за соседним столом заговорили о поднявшихся ценах на овёс. Обычная жизнь не прекращалась из-за того, что где-то нашли мёртвых. Люди всё равно покупали хлеб, ругались из-за счёта, ждали родных и планировали завтрашнюю работу.

Когда я вернулась в архив, в читальном зале уже погасили половину ламп. На моём столе лежала записка от дежурного: «Следователь Корин будет утром. Просит показать открытые записи и журнал исправлений».

Я перечитала её дважды. Потом отложила записку рядом с выписками и посмотрела на серую бумагу, купленную у Нерма. На ней остался отпечаток сургуча с конверта: круг и три коротких штриха, перечёркнутые длинной чертой. Я сначала приняла его за случайный след печати. Теперь узор напомнил мне отметку на одной из старых транспортных ведомостей — не герб и не официальную печать, а знак, который ставили на свёртках, отправляемых через восточное хранилище.

Я подняла каталог и нашла нужную полку. Сама ведомость отсутствовала. В карточке значилось, что её передали в отдел сверки шесть недель назад, но возврата не отметили.

Утром я должна была подготовить открытые записи для следователя Матвея Корина. Мы ещё не встречались, и в его запросе не было ни предположений, ни выводов — только просьба показать документы и журнал исправлений. Это внушало больше доверия, чем уверенные слухи, но доверие тоже следовало проверять.

До его прихода мне предстояло выяснить, кто забрал ведомость, кто исправил запись о кристалле и почему имя человека, поставившего подпись, исчезло из журнала.

Я закрыла шкаф на ключ и оставила записку для Мирты: «Не выдавать опись восточного хранилища без записи в журнале».

Затем ещё раз проверила замок и положила ключ во внутренний карман.

Глава третья: На месте общего дела

Утро началось с мокрого снега, который не решался стать дождём и потому лип к сапогам, воротам и людям одинаково неприятно. Я вышел из управления до рассвета, взяв с собой копию ведомости, записи караула и список вопросов, который составил ночью, но почти не сократил. За окном коридора двое писарей спорили, кто должен идти за завтраком. Один победил, потому что у него был плащ.

На столе у меня осталась кружка холодного чая и донесение с исправленной строкой: «Связь погибшего мага с Ровеном установлена». Я перечитал её перед уходом. Слово «установлена» не стало убедительнее оттого, что его начертали жирнее остальных.

Пастуха звали Олден. Он жил на хуторе к северу от дороги, в доме с покосившейся крышей и тремя рядами дров под навесом. Когда я постучал, он открыл не сразу. За дверью слышно было, как отодвинули засов, потом шаги замерли.

— Кто там?

— Следователь Корин. Мне нужно поговорить о ночном шуме на тракте.

Тишина затянулась.

— Я уже всё сказал дозору.

— Я знаю. Теперь скажите мне.

Он открыл дверь на ладонь. Был худ и сед, но держался прямо. На рубахе у воротника сохли капли воды. За его плечом в комнате горел очаг, рядом стоял маленький стол с двумя мисками. Я не стал просить войти, пока он сам не предложил.

— Я не видел самого боя, — сказал он.

— Я не спрашивал, видели ли вы бой. Что вы услышали?

— Крик. Потом грохот.

— Один крик?

Олден потёр большим пальцем край двери.

— Несколько. Не разберёшь. Ветер был.

— Вы назвали дозору время?

— Сказал, что луна уже за облаками.

— А они записали «около полуночи».

— Я не говорил про полночь.

Я открыл блокнот, но не стал писать при нём. Сначала хотел услышать, повторит ли он это без подсказки.

— Что случилось потом?

— Я взял фонарь, вышел к ограде. Видно было свет над полем. Не огонь — вспышки. Две или три. Потом тишина. Я подумал, караул разберётся.

— Почему не пошли к дороге?

— Потому что у меня нет меча, а там стреляли.

Он произнёс это без стыда. Я понял, что старший дозора ошибся, назвав его перепуганным так, будто страх был единственным, что тот принёс с собой. Олден боялся, но не притворялся храбрее, чем был. И, возможно, именно поэтому его слова имели цену.

— Вы кого-нибудь видели у поля до приезда караула?

— Нет.

— Слышали лошадь?

— Слышал копыта. Не знаю, когда. Может, до грохота, может, после.

— Сколько лошадей?

— Одна. Или две. Звук прыгал по холму.

— Куда они пошли?

Олден покачал головой.

— Я не видел.

— Вы говорили с кем-нибудь ещё?

Он помедлил, затем посмотрел мне за плечо. Дорога была пуста.

— Утром приходил человек из караула. Сказал, что мне лучше не болтать. Я и не болтаю.

— Он назвался?

— Нет.

— Вы его знаете?

— Лицо видел. На заставе. Не знаю имени.

— Вы готовы узнать его, если покажут?

Олден снова коснулся двери, словно проверял, закрыта ли она.

— Если он будет рядом, я узнаю.

Я записал это. Не «он угрожал свидетелю», а «неизвестный караульный просил не говорить; свидетель готов опознать». Разница была важна. Утверждение, сделанное слишком рано, могло закрыть дело так же надёжно, как ложное донесение.

— Я могу оставить у вас человека, пока вы будете давать показания в городе? — спросил я.

— Не надо. Жена вернётся к обеду.

— Тогда попросите её не открывать незнакомцам. Если кто-то придёт, передайте это дозору через меня, не через заставу.

— Вы считаете, мне угрожают?

— Я считаю, что кто-то уже приходил говорить о вашем молчании.

Олден кивнул, и на этом разговор закончился. Он не попросил платы или защиты; я не обещал того, чего не мог обеспечить. На обратном пути я записал время визита и отправил в управление запрос на список караульных, дежуривших ночью. Пока ответ придёт, любой из них мог оказаться тем человеком. Или ни один.

К полудню на северной дороге стало людно. Караул пропускал обозы по одному, проверял печати и заглядывал под брезент. У повозки с места происшествия всё ещё стоял дозор. Снег растаял на борту и стекал по нему тонкими дорожками. Я обошёл её с другой стороны, сравнивая вчерашнюю схему с тем, что видел сейчас. На земле появились новые следы сапог; часть старых уже расплылась.

— Вы рано, — сказал старший дозора.

— Пастух не говорил о полуночи.

— Он мог ошибиться.

— Конечно. Поэтому я и спрашиваю.

— Вы думаете, я исказил его слова?

— Я думаю, в донесении написано то, чего он мне не говорил.

Он отвёл взгляд к повозке. Я не стал прижимать его к стене вопросами: на месте были другие люди, и старший дозора умел защищаться лучше, чем отвечать. Я спросил, кто из караульных уходил утром к хутору. Он назвал троих, затем добавил, что один из них выполнял приказ городского управления. Имени приказавшего он не знал.

Я записал и это.

К полудню я успел вернуться в управление, где меня ожидал официальный ответ архива. Архивистка подготовила открытые записи по казённым кристаллам и журнал исправлений. Имя внизу было знакомым только по подписи: Элиана Вель. Я не знал, как она выглядит, сколько ей лет и почему сама не пришла. В записке значилось, что документы можно просмотреть в архиве, а одна из ведомостей восточного хранилища отсутствует и передана в отдел сверки без отметки о возврате.

Я перечитал последние слова. «Отсутствует» — факт. «Передана» — факт из карточки. Кто именно забрал, пока неизвестно. Я положил записку в папку и пошёл в архив.

Здание стояло между площадью и старым каналом, узкое, с высокими окнами и тяжёлой дверью. Внутри было теплее, чем на улице, но пахло мокрой шерстью, пылью и чернилами. Дежурный провёл меня в читальную комнату и попросил оставить меч у входа. Я оставил его в ножнах у стены. В помещении сидели трое посетителей; двое подняли головы, когда я назвал себя.

— Следователь Корин, — сказала женщина у длинного стола.

Она поднялась. Ростом, как я понял позже, около ста шестидесяти семи сантиметров; держалась прямо, не суетилась и не улыбалась из вежливости. На рукаве у неё оставалась тонкая полоска синей пыли. Тёмные волосы были собраны на затылке, несколько прядей выбились возле уха. Она не выглядела ни испуганной, ни довольной моим приходом. Скорее оценивала, сколько времени займёт разговор и насколько точно я буду задавать вопросы.

— Элиана Вель?

— Да. Вы просили записи.

— И журнал исправлений. Благодарю, что подготовили.

Она подвинула ко мне папку. Я не взял её сразу.

— Вы сами нашли расхождения?

— Я подготовила открытые записи, как вы просили. В одной отметке почерк не совпадает с тем, который обычно использует старший регистратор. Есть и другие нарушения порядка, но они требуют проверки.

— Какие именно?

— Пропал лист из описи восточного хранилища. В журнале ключей есть неполная подпись. Одна ведомость передана в отдел сверки шесть недель назад и не возвращена. Я не утверждаю, что это связано с делом на северной дороге.

Она перечисляла коротко, без нажима. Не пыталась убедить меня, что уже всё разгадала. Это было разумно. Я всё же не позволил себе принять её слова на веру только потому, что они совпадали с моей тревогой.

— Когда вы заметили повреждение описи?

— Сегодня утром.

— Кто имел доступ к шкафу?

— По журналу — переплётчица Мирта, дежурный и несколько помощников без раздельной регистрации.

— А по факту?

— Пока не знаю.

— Вы связывались со старшим регистратором?

— Нет. Сначала хотела сверить дату выдачи чернил и выяснить, кто забирал ключ. Если запись изменена, предупреждение может дать тому, кто её менял, время убрать остальное.

Я посмотрел на неё. Это было не обвинение, а осторожный вывод. Но даже осторожный вывод мог повести не туда, если исходные данные оказались неверными.

— Вы часто расследуете дела?

— Я архивистка. Я проверяю, что записано, кто записал и когда. Дальше начинается не моя работа.

— Но вы уже начали.

— Я заметила несоответствие в документах, которые готовила по вашему запросу.

— И решили проверить его.

— Да.

— Почему?

Она на мгновение задержала дыхание. Никакого драматического жеста, только пальцы, сжавшие край папки.

— Потому что если оставить неправильную запись, её позже примут за правду.

В этом ответе я услышал не только профессиональную привычку. Но не стал спрашивать о личном. У каждого была причина держаться за какие-то правила; иногда причина была важнее самих правил, но узнать её следовало не в первую встречу.

Я сел напротив неё. Между нами лежали бумаги, но не дело целиком. Я развернул список поступлений и положил рядом копию донесения с исправленной формулировкой.

— Здесь имя погибшего мага указано как Ревек. Фамилии нет. Вы видите это имя в реестре?

Элиана не стала сразу листать бумаги. Сначала взглянула на копию, затем на дату и номер записи.

— В открытом каталоге такого имени нет.

— Вообще?

— В каталоге принятых кристаллов — нет. Это не значит, что человека не было. Маг мог не быть зарегистрирован в этом хранилище, мог пользоваться другим именем или не иметь отношения к кристаллам, внесённым в реестр.

— А если он был Обречённым?

— Тогда после его смерти должен был образоваться кристалл. Но я не могу по каталогу сказать, где он сейчас и был ли зарегистрирован раньше.

— Что вы можете проверить?

— Списки переданных кристаллов, открытые отметки об охотах и номера старых отпечатков, если вы принесёте официальный запрос на доступ. Мерильные зеркала у нас нет. В столице есть одно, но для проверки нужен специалист.

— Значит, след поглощения можно обнаружить, но источник всё равно устанавливают отдельно?

— Да. Зеркало покажет отпечаток поглощения. Чтобы связать его с конкретным кристаллом, нужны зарегистрированные данные и расследование.

Я отметил это в блокноте. До сих пор мне не приходилось работать с мерильным зеркалом лично. Такие проверки были редкими и дорогими, а люди, умеющие ими пользоваться, не ездили по каждой дороге за городом. Если кто-то хотел скрыть поглощение, у него было время и пространство для манёвра.

— В вашей ведомости есть что-нибудь, что может объяснить знак на повозке? — спросил я.

Я описал отпечаток: круг, три коротких штриха, длинная черта поперёк. Элиана нахмурилась, но не потянулась сразу к бумагам.

— Это похоже на отметку в нескольких старых транспортных ведомостях. Не на официальную печать. Скорее знак сортировки свёртков, которые шли через восточное хранилище.

— Вы видели его раньше?

— В архивных карточках. На самой ведомости, которая пропала, такой отметки я не помню.

— Вы уверены?

— Нет. Я видела карточку, а не оригинал. И карточку могли составить по чужим словам.

— Хорошо.

Она посмотрела на меня, будто ожидала продолжения. Я не знал, удивило ли её, что я не потребовал уверенности, или что согласился с осторожностью. Наверное, и то и другое.

В читальной комнате кто-то уронил книгу. Дежурный подошёл помочь, а женщина за дальним столом начала собирать рассыпавшиеся листы. Элиана дождалась, пока шум стихнет, и достала из папки два листа с образцами подписей.

— Вот подпись К. Дорна в старой ведомости. А вот отметка о сверке за прошлый месяц. Нижний крюк у «К» короче, и чернила другого оттенка.

Я сравнил. Различие было заметно, но не настолько, чтобы считать его доказательством. Усталость, другое перо, другая бумага. Я сказал ей именно это.

— Да, — ответила она. — Поэтому я и написала «требует проверки», а не «подделано».

— Кто может подтвердить, какие чернила выдавались в тот день?

— Кладовщик архива и сам Дорн. Если он не в отпуске.

— А кто видел, как брали ведомость из восточного хранилища?

— По журналу ключей — дежурный. Но его запись не объясняет, кто расписался второй строкой. Мирта видела книгу вчера и уверена, что повреждение появилось недавно.

— Вы уже говорили с ней?

— Да.

— Она согласна дать показания?

— Если вы попросите официально. Она не любит, когда её втягивают в чужие дела без бумаги.

— Это разумно.

Я просмотрел записи. Все они были аккуратно пронумерованы. В некоторых местах имелись пометки Элианы: дата проверки, ссылка на соседний журнал, вопросительный знак возле

записи о сверке. Она не выдавала предположения за факт и не прятала неполноту данных. Это не делало её невиновной в возможном вмешательстве, но делало полезной как специалиста.

— Мне нужно будет осмотреть оригинал описи и журнал ключей, — сказал я.

— Их принесут сюда. Оригинал описи повреждён, лучше не переносить его без упаковки.

— Кто принесёт?

— Мирта, если её вызовут.

— А вы сможете присутствовать?

— Да.

Я убрал копии в папку и оставил оригинальные выписки на столе.

— Не трогайте отсутствующие записи и не сообщайте о них тем, кто не имеет отношения к делу.

— Я уже не собиралась.

— Это не упрёк. Просто прошу зафиксировать, с кем вы говорили.

Она посмотрела на меня ровно.

— Я говорила с переплётчицей Миртой, дежурным архивистом и торговцем Нермом, у которого покупала бумагу. Нерм пересказал слухи о дороге и двух возчиках. Я не спрашивала его о кристаллах.

Она добавила последнее без моей просьбы. Я записал имена. Нерм мог оказаться полезен, а мог быть просто торговцем, который запомнил покупателей. Я не собирался превращать каждого встречного в подозреваемого.

— Возчики назвали себя?

— Один был Сурый. Второго Нерм не знал.

— Где его лавка?

— Западная галерея, возле складов соли.

Я отметил адрес. Элиана собрала бумаги и связала их тесёмкой.

— Вы сами понесёте это в управление? — спросил я.

— Это архивные копии. Их нельзя оставлять без отметки о выдаче.

— Хорошо. Отнесите их дежурному и получите расписку. Я не хочу, чтобы потом спорили, кто и когда передал документы.

— Я обычно получаю расписку.

— Тогда сегодня у нас совпадают привычки.

Она впервые чуть заметно улыбнулась — не мне, а чему-то в самой фразе. Тут же снова стала серьёзной.

Я поднялся и забрал меч у входа. Когда повернулся, Элиана уже проверяла, все ли листы вернулись в папку. Она не пыталась задержать меня и не задавала вопросов о поле. Между нами ещё не было доверия, только взаимная потребность в сведениях и осторожность, которой хватало на двоих.

У двери я остановился.

— В ведомости, переданной на сверку шесть недель назад, кто указан получателем?

— Я не знаю. Карточка не содержит имени. Только номер отдела и отметку о передаче.

— Найдите оригинал карточки и выясните, кто принял её в работу. Не ищите самостоятельно в запечатанных делах.

— Поняла.

— Если обнаружите ещё одно расхождение, сообщите мне до того, как будете проверять его через начальство.

— А если вы окажетесь частью того же начальства?

Вопрос прозвучал спокойно, но впервые за разговор она смотрела на меня не как на следователя, а как на человека, чью надёжность ещё предстояло оценить.

— Тогда вам всё равно понадобятся записи, которые это докажут.

Она выдержала мой взгляд и кивнула.

На улице мокрый снег превратился в дождь. Я убрал бумаги под плащ и пошёл к западной галерее — не потому, что поверил в связь Нерма с делом, а потому, что возчики были единственными людьми, которые могли подтвердить движение по дороге после предполагаемого времени боя.

За спиной закрылась тяжёлая дверь архива. Впереди город жил своим обычным днём: у лавок торговались, из таверны выносили бочки, стражник ругался с возчиком из-за печати на накладной. В таких местах преступление редко выглядело как преступление. Чаще оно пряталось в задержке, исправленной строке или человеке, которому велели не болтать.

Я записал в блокноте: «Элиана Вель. Архивистка. Проверять сведения отдельно. Полезные наблюдения: опись восточного хранилища, журнал ключей, исчезнувшая ведомость. Не делать выводов о её причастности или непричастности».

Потом перечитал последнюю строку и поставил точку.

У меня уже было достаточно версий. Теперь требовались люди, которые могли подтвердить хотя бы одну из них.

Глава четвёртая: Следы, которые не ведут прямо

К мастерской мерильных зеркал я пришёл до полудня. Дождь прекратился, но вода ещё стекала с навесов и собиралась в щелях мостовой. На улице пахло мокрой кожей, золой и горячим металлом. Я держал под плащом свёрнутую копию описи с места происшествия. Оригинал не покидал управу: до повторной проверки я не хотел, чтобы его случайно повредили.

Мастерская стояла в переулке между оружейником и лавкой, где чинили весы. Над дверью висела потемневшая вывеска с круглым зеркалом и тремя лучами. На крыльце я остановился, стряхнул с сапог воду и постучал.

Открыл мужчина в сером рабочем фартуке. Он посмотрел на жетон, затем на свёрток.

— Матвей Корин, управление следствия. Мне нужно проверить мерильное зеркало, которое доставили с северного тракта.

— Его у нас не было, — ответил он.

— Его не привозили сюда. Я прошу осмотреть копию показаний и выяснить, можно ли повторно проверить прибор на месте.

Мужчина чуть отступил, освобождая проход.

— Тогда заходите. Только не называйте меня мастером, пока не узнаете, кто я. Я ученик Тарена Моля.

— Тарен Моль на месте?

— В задней комнате. Но решение о проверке принимает он.

Внутри пахло полировочной пастой и старым деревом. На стенах висели рамки и оправы, некоторые с зеркальными пластинами, другие пустые. У дальней стены стоял длинный стол с инструментами. Тарен Моль поднял голову от раскрытого футляра. Он был худ, сед и носил на пальце тёмный след от металлической стружки.

— Следователь Корин, — сказал он, сверившись с жетоном. — Мне сообщили, что вы пришли по поводу зеркала с места столкновения.

— Я не знаю, сохранило ли оно след. По словам дозора, отражающая поверхность была повреждена. Мне нужно понять, что может и чего не может показать повторная проверка.

— Это правильный вопрос. Покажите копию.

Я развернул лист. В описи указывалось, что зеркало нашли у тела мага, отражающая пластина была треснута с правого края, а на внутренней оправе остался серый налёт. Караульный утверждал, что перед тем, как зеркало убрали в футляр, на поверхности проступила тонкая светлая полоса. Он не знал, была ли она там раньше.

Моль прочёл запись, не касаясь бумаги.

— Где сейчас прибор?

— В управлении. Запечатан отдельно от прочих вещей.

— Хорошо. А кто его последним проверял до столкновения?

— Пока неизвестно. В документах есть отметка о выдаче зеркала гильдейскому отряду, но номер пластины не указан.

— Тогда начнём с того, что точно известно. Мерильное зеркало способно обнаружить след поглощения кристалла, если поверхность исправна и прибор настроен. Оно не сообщает, кто поглотил кристалл, где это произошло и кому кристалл принадлежал.

— А если след зарегистрирован?

— Тогда сравнение может показать совпадение с известным отпечатком. Но нужно знать, что сравнивают с чем. Слабый след и повреждённая поверхность — плохие условия. Ошибка настройки добавит ложную уверенность, а не ясность.

Он отодвинул футляр и подошёл к полке. Оттуда достал металлическое кольцо с тонкой зеркальной пластиной. Край пластины был цел, но на ней виднелась сетка мелких царапин.

— Представьте, что это зеркало с тракта. Трещина не обязательно уничтожает весь отпечаток. Она может исказить участок или дать отражение, похожее на след. Налёт тоже мешает. Пока прибор не осмотрен, я не скажу, сохранил ли он что-либо.

— Значит, запись караульного о светлой полосе пока ничего не устанавливает.

— Устанавливает только, что он видел светлую полосу или думает, что видел. Если до этого зеркало не проверяли при нём, он не знает, как оно выглядело исправным.

Я записал фразу. Тарен Моль заметил это и кивнул.

— Вы не торопитесь превращать наблюдение в вывод. Это полезнее, чем многие думают.

— А если зеркало подтвердит след?

— Тогда подтвердится наличие следа поглощённого кристалла в пределах того, что прибор способен различить. Не убийство, не кража и не личность преступника. Для этого нужны другие доказательства.

— На месте найден погибший маг, которого считают Обречённым.

— «Считают» — точное слово. Если он действительно был Обречённым, после смерти должен был образоваться кристалл. Если кристалл исчез, зеркало может помочь проверить, был ли поблизости след поглощения. Но отсутствие следа тоже не ответит на всё: прибор мог быть повреждён, след мог ослабнуть или зеркало могли убрать до проверки.

Он не говорил с осторожностью человека, который боится ответственности. Скорее, привык видеть, как заказчики выносят из мастерской больше уверенности, чем приносили.

— Вы готовы осмотреть прибор в управе? — спросил я.

— После официального запроса и в присутствии хранителя вещественных доказательств. Я не возьму его в мастерскую. Если пластина треснула, перевозка может повредить её сильнее.

— Я оформлю допуск.

— И запросите журнал последней настройки. Без него даже исправное зеркало может дать неверный результат.

— В описи нет номера настройки.

— Тогда придётся искать по гильдейскому журналу. Если запись сохранилась.

Я развернул другую копию — фрагмент ведомости, где значилось, что зеркало выдали отряду охотников за несколько дней до происшествия. Номер прибора совпадал с номером в описании вещи, но графа настройки была пустой.

Моль прищурился.

— Это не значит, что настройки не было. Могли не заполнить графу, могли записать в отдельной книге. Но если журналов нет, результат придётся считать предварительным.

— А если в журнале найдётся запись?

— Тогда мы установим, когда и кем проверяли прибор. Это всё равно не докажет, кто держал его на месте происшествия.

Я поблагодарил Моля и направился к выходу. Его ученик придержал дверь.

— Вы нашли что-нибудь? — спросил он.

— Я нашёл специалиста, который не делает выводов по треснувшему зеркалу.

— Значит, нашли не так уж мало.

К управе я вернулся после полудня. Начальник разрешил осмотр прибора при хранителе и потребовал, чтобы результат занесли в протокол с оговоркой о повреждении. Я отправил гонца в гильдию с запросом журнала настройки и копии ведомости выдачи зеркала. В ответе просил указать, если нужная книга не сохранилась, а не восстанавливать сведения по памяти.

Пока ждал допуска, я перечитал свои записи о месте происшествия. Караульный видел светлую полосу на поверхности. В описи была трещина. Номер зеркала совпадал с выданным гильдии прибором. Ни один факт сам по себе не говорил, что кристалл поглотили рядом с телом. И всё же впервые появлялась возможность проверить, оставил ли он след.

В комнату хранения я вошёл вместе с архивариусом и хранителем. Зеркало лежало в отдельном футляре, перевязанном лентой с печатью управления. Печать не была нарушена. Хранитель сверил номер, снял ленту и раскрыл футляр.

Мерильная пластина была меньше ладони. Трещина шла от края к середине, но не пересекала всю поверхность. На оправе сохранился серый налёт. Тарен Моль осмотрел его под лупой и попросил не счищать.

— Это может быть пыль, полировочная паста или остаток защитного покрытия, — сказал он. — Без анализа не определить. Я не буду протирать пластину.

— Можете проверить её здесь? — спросил хранитель.

— Только сравнительно. Мне нужен калибровочный образец и журнал настройки. Без них сейчас можно зафиксировать состояние, но не получить надёжный ответ о следе.

Моль установил зеркало в переносную рамку и поставил рядом контрольную пластину. Он попросил всех отойти, затем повернул прибор к свету. На поверхности проступил слабый матовый отблеск, но он возникал и на контрольной пластине, хотя был заметно ровнее.

— Это не результат проверки кристаллического следа, — сказал он сразу. — Источник может быть в покрытии или освещении. Повреждённое зеркало без калибровки нельзя считать доказательством ни наличия, ни отсутствия отпечатка.

Я попросил внести в протокол именно эту формулировку. Хранитель подписал описание состояния. Моль поставил свою подпись рядом с оговоркой, что полноценное заключение возможно после сверки настройки и повторного осмотра в мастерской гильдии.

На выходе из комнаты он задержался.

— Следователь, если в журнале настройки окажется запись, не забывайте: прибор мог быть исправен вчера и повреждён сегодня. Или наоборот. Время имеет значение.

— Я запрошу запись вместе с датой и именем настройщика.

— И проверьте, кто держал зеркало после выдачи. Не только кому его выдали.

Я вернулся за стол и составил два запроса: в гильдию — о журнале настройки, получателе и возврате прибора; в управление — о караульном, который видел полосу, и времени, когда зеркало убрали в футляр. Затем написал Элиане, чтобы она проверила в архиве, есть ли открытый реестр мерильных зеркал с номерами и зарегистрированными отпечатками. Я не просил её искать закрытые сведения и отдельно указал: если доступ требует разрешения, пусть сначала запросит его.

К вечеру ответов не было. На столе лежала копия протокола, где вместо готового вывода значилось состояние зеркала и перечень неизвестного. Я перечитал её и оставил без сокращений. «Слабый след» пока был словами караульного, а не заключением мастера.

Когда я уже собирался уходить, дежурный принёс сложенную записку. Её нашли на моём столе, под папкой с запросами. На бумаге не было печати, только короткая строка:

«Спросите о Левеке. Он возил кристаллы через старый тракт».

Я перечитал имя. В деле уже встречалось имя Ревек — без фамилии, в донесении о погибшем маге. «Левек» могло быть опечаткой, прозвищем или совсем другим человеком. Записка не сообщала, кто её оставил, откуда взялись сведения и когда именно этот человек якобы возил кристаллы.

Дежурный сказал, что не видел, кто положил лист. За последние два часа в кабинете побывали писарь, архивариус, гонец из гильдии и двое служащих. Никто не отметил записку в журнале передачи бумаг.

— Хотите, я вызову стражу? — спросил дежурный.

— Нет. Пока зафиксируйте, где и когда её нашли. Не трогайте больше, чем нужно.

Я убрал лист в отдельный конверт и подписал его вместе с дежурным. Имя контрабандиста слишком удобно совпадало с именем погибшего мага, а записка появилась именно тогда, когда проверка зеркала не дала ясного ответа. Это могло быть попыткой помочь. Могло быть попыткой направить меня к человеку, на которого уже удобно свалить вину.

В официальную версию я записку не включил. В рабочем списке добавил: «Проверить написание имени. Установить источник записки и сведения о Левеке. Не считать его причастным к исчезновению кристалла без подтверждения».

Потом закрыл папку. У зеркала пока не было надёжного заключения, у записки — автора, у имени — даже уверенной личности. Но наутро я собирался начать не с допроса предполагаемого контрабандиста, а с проверки того, существовал ли он в регистрах старого тракта и кто мог знать о нём достаточно, чтобы написать эту строку.

На обратном пути от управления я снова прошёл мимо лавки оружейника. У входа стоял мальчишка с корзиной щепок и пытался удержать дверь локтем. Я подхватил её, пропустил его внутрь и услышал, как хозяин ругает ученика за тупое долото. Обычный вечер возвращался на улицы без всякого разрешения следствия. Это было полезно: не каждое движение вокруг дела становилось частью дела.

Я дошёл до дома, но не сразу поднялся. В кармане пальто лежал список имён, которые ещё требовалось проверить: караульный, убравший зеркало; тот, кто выдавал его гильдии; человек, оставивший записку. Рядом с каждым пока стоял вопросительный знак. Я не стал добавлять к ним Левека как подозреваемого. Пока он был только именем на листке, а листок — только анонимным сообщением.

Утром я собирался начать с канцелярии гильдии. Не с поиска виновного, а с вопроса, кто на самом деле получал зеркало и кто отвечал за его настройку. Если записи подтвердят обычную передачу, это тоже будет ответом. Если обнаружится пробел — его придётся описать как пробел, а не как доказательство чьего-то умысла.

Глава пятая: Человек с чужим долгом

Имя Левек не нашлось в открытом реестре перевозчиков старого тракта. Это ничего не доказывало: мелких возчиков заносили в книги нерегулярно, а прозвища часто заменяли фамилии. Зато в журнале задержаний за последние два года нашёлся человек, которого стража называла Левеком. Полное имя — Левек Ревек, двадцать семь лет, мелкий контрабандист, дважды задержанный за провоз незарегистрированных товаров. Оба раза его отпускали после штрафа. В последнем деле значились кристаллическая крошка и поддельная накладная, но ни один кристалл у него не изымали.

Сходство фамилий с именем погибшего мага было слишком заметным, чтобы игнорировать, и слишком удобным, чтобы считать доказательством. Я попросил архивариуса проверить, не было ли в старых реестрах другого Левека Ревека, а дежурного — не передавать имя

патрулям без моего распоряжения. Записка оставалась анонимной. Я не знал, кто её оставил, откуда автор узнал о перевозках и почему сообщил именно сейчас.

В управлении внутренней безопасности подтвердили, что Левек жил у восточного рынка и числился под надзором после последнего задержания. В его карточке было указано, что он работал грузчиком и иногда нанимался возить мелкие партии между городом и заставами. Никаких сведений о связи с убийствами или гильдией не было. Старший служащий, подписавший карточку, находился в другом городе в день одного из задержаний; это требовало отдельной проверки, но к записке о кристаллах отношения пока не имело.

Я отправился на восточный рынок один. Не хотел, чтобы явление нескольких вооружённых людей заранее превратило разговор в облаву. С собой взял жетон, блокнот и копию протокола по анонимной записке. Оружие оставил на поясе, но не держал руку на рукояти.

Левек жил над мастерской, где чинили телеги. Хозяйка сперва сказала, что постояльца нет, затем посмотрела на мой жетон и уточнила, что он ушёл за водой. Она не хотела, чтобы его снова забрали из-за старого штрафа.

— Я пришёл поговорить о перевозках, — сказал я. — Не задерживать его без основания.

— Так обычно говорят, прежде чем задавать вопросы, на которые нельзя ответить.

— Тогда вы можете присутствовать при разговоре.

Хозяйка помолчала, потом указала на задний двор. Там стоял колодец, и возле него мужчина в потёртой куртке наливал воду в два бурдюка. Он увидел меня, поставил ведро и вытер руки о штаны.

— Левек Ревек? — спросил я.

— Смотря кто спрашивает.

— Матвей Корин, управление следствия. Мне передали записку, где сказано, что вы возили кристаллы через старый тракт.

Левек перестал вытирать руки.

— Кто передал?

— Не знаю. Записка анонимная.

— А вы пришли проверить, правда ли это?

— Да. Я не считаю вас виновным только потому, что кто-то написал ваше имя.

Он взглянул на хозяйку, будто хотел убедиться, что она слышит. Потом кивнул на дверь мастерской.

— Внутри поговорим. На улице лишние уши.

В комнате над мастерской пахло мокрой одеждой и уксусом. Левек закрыл дверь, но оставил её не запертой. Хозяйка осталась внизу. На столе лежала старая накладная, прижатая камнем.

— Вы возили кристаллы? — спросил я.

— Да.

Ответ прозвучал так быстро, что я не сразу поверил, что ослышался.

— Когда?

— Не знаю точной даты. Не один раз. Маленькие грузы, завернутые в ткань. Мне сказали, что это обломки зеркал и стеклянная пыль. Потом я понял, что не стекло.

— Вы видели кристалл?

— Один раз. Не целый. Крошка с синеватым краем. Её нельзя было перепутать с обычным стеклом.

— Кто нанимал вас?

— Посредник. Имени не знаю.

— Как вы получали заказ?

— Через записки или через человека, который приходил к мастерской. Он называл место и время. Я забирал свёрток, вёз до старой заставы и оставлял в водостоке под каменным желобом. Иногда забирал обратно пустую ткань. Иногда нет.

— Вы знали, что кристаллы принадлежат казне?

Левек усмехнулся без веселья.

— Я знал, что за такие грузы могут отрубить руку. Не знал, кому именно они принадлежали. Разве это меняет дело?

— Меняет то, что вы понимали о риске. Не доказывает, что вы знали об убийстве.

Он посмотрел на меня, словно ждал подвоха. Я спросил, возил ли он кристаллы в ночь столкновения на северной дороге.

— Нет. Я туда не ездил.

— Чем можете подтвердить?

— Ничем. Я был дома.

— Кто может подтвердить?

— Хозяйка видела меня вечером. Но я не знаю, помнит ли она дату. Я не записывал, когда оставался дома.

— Совпадают ли места, о которых вы говорите, с маршрутом у старого тракта?

— Одно место — да. Развилка у старого моста. Но до самой дороги я не доезжал. Свёртки оставляли раньше.

В его рассказе была деталь, которую я уже видел на карте старого тракта: у развилки перед мостом проходил водосток под каменным желобом. Это не подтверждало слова Левека, но совпадало с особенностью местности. Я записал совпадение и отдельно — что оно не устанавливает ни даты, ни содержимого конкретного свёртка.

— Почему вы согласились? — спросил я.

— Сначала за деньги. Потом уже не только.

Он отвернулся к окну. Во дворе хозяйка ругалась с мальчишкой, который пытался утащить обломок доски.

— У меня есть сестра и племянник. После первого задержания я задолжал за жильё и штраф. Через месяц пришёл человек и показал, что знает, где сестра работает. Сказал, что если я откажусь от следующего рейса, у неё возникнут неприятности. Ни имени, ни угрозы впрямую. Просто перечислил её смены, дорогу домой и школу мальчика.

— Вы сообщили об этом страже?

— Нет.

— Почему?

— Потому что у меня уже был долг, судимость и контрабанда. Кому поверят? А если ошибусь и расскажу не тому человеку, сестра узнает раньше вас.

— Вы знаете, кто следил за ней?

— Нет. Один раз видел у мастерской человека в сером плаще. Лица не разглядел. Может, он был из тех, кто давал заказы. Может, просто ждал повозку.

— Кто именно держал вас на крючке?

— Не знаю. Посредник передавал указания, но ни разу не угрожал сам. Он говорил, что это «условия». Я понимал, что спорить опасно.

— Вы можете описать посредника?

— Мужчина среднего роста, светлые перчатки, говорит тихо. На левой руке кольцо с чёрным камнем. Я видел его дважды, оба раза в сумерках. Лица не запомнил. Не знаю, настоящее ли кольцо.

Я спросил, узнает ли он его снова. Левек покачал головой.

— Не уверен. Я не хочу смотреть на чужие лица и угадывать. Если ошибусь, пострадает кто-то, кто не имеет отношения.

Левек был свидетелем перевозок, но не знал владельца груза и не мог связать его с убийством. Он признавал незаконную работу и описывал принуждение, но не называл конкретного заказчика. Его признание не очищало его от ответственности и не давало мне права объявить его виновным в исчезновении кристалла.

— Вы готовы повторить это официально? — спросил я.

— Если сестру защитят.

— Я не могу обещать того, что ещё не согласовано. Могу предложить, чтобы её перевели к родственникам под сопровождением стражи, пока мы проверим угрозу.

— А если стража работает на тех же людей?

— Тогда мы должны это выяснить до того, как передадим ей ваш адрес. Я не попрошу вас подписывать показания сегодня.

Левек будто немного опустил плечи. Я записал, что он отказался от немедленного официального заявления и объяснил причину. Перед уходом попросил его не покидать город без уведомления и не встречаться с посредником. Он ответил, что попробует. Это не было обещанием, и я не стал называть его таковым.

Мы спустились вниз. Хозяйка стояла у двери и смотрела на улицу. Я попросил её не рассказывать о визите, пока не будет принято решение о безопасности семьи. Она сказала, что молчать умеет, но не станет терпеть, если кто-то придёт угрожать мальчику.

— Если заметите незнакомца у дома, сразу сообщите дежурному, — сказал я. — Не пытайтесь задержать его сами.

— Я не стража, следователь. Я просто не люблю, когда детей пугают.

Я вернулся в управление и доложил начальнику только подтверждаемую часть: Левек признаёт перевозку нелегальных кристаллов, описывает маршрут через старый тракт и говорит о давлении на семью; конкретных заказчиков не знает; причастность к убийству отрицает; алиби на ночь столкновения не подтверждено. Начальник распорядился подготовить осторожную проверку безопасности семьи и не раскрывать адрес без необходимости.

Официальные показания Левек согласился дать после того, как его сестру и племянника перевезут в безопасное место. Это заняло остаток дня. Сначала стража проверила адрес сестры без формы и без объявления причины визита. Потом начальник выделил двух караульных, не связанных с управлением внутренней безопасности. Я не мог гарантировать, что выбранные люди не ошибутся, но каждый шаг записали и согласовали отдельно.

К вечеру Левек пришёл в управу сам. Его сестру уже отвезли к двоюродной тётке в другой квартал; мальчик остался с ней. Левек подтвердил это по записке, которую получил от сопровождавшего караульного.

— Я готов говорить, — сказал он. — Но если в протокол попадёт, будто я назвал убийцу, я откажусь подписывать.

— Там будет только то, что вы сообщите, и отдельно — что вы знаете лично, а что предполагаете.

Мы заняли комнату для опросов. Писарь сел за стол, Левек — напротив. Я начал с перевозок: где, когда, кто передавал свёртки, как выглядела упаковка. Левек повторил рассказ, но теперь детали расходились. Сначала он сказал, что возил три раза; потом вспомнил четвёртый рейс, когда ему заплатили не монетами, а частью долга за жильё. Он не мог назвать точную дату ни одного рейса. Один раз говорил, что оставлял свёрток у моста, затем уточнил: не у самого моста, а у развилки до него.

— Вы меняете показания, — сказал писарь.

— Я вспоминаю, — ответил Левек. — Если бы хотел соврать, я бы выбрал одну версию и держался её.

— Это не доказывает, что вы говорите правду, — заметил я. — Но и расхождение само по себе не доказывает ложь. Давайте обозначим, в чём вы уверены, а в чём нет.

Левек подтвердил, что точно помнит три поездки и допускает четвёртую. Помнит свёртки в плотной ткани, один частично открытый свёрток с кристаллической крошкой и водосток на развилке. Не помнит дат, количества кристаллов и лиц людей, кроме общего описания посредника. Он не видел, кто забирал свёртки после него.

К концу опроса в комнате стало душно. Писарь вышел за водой. Я услышал, как во дворе остановилась повозка, затем два коротких стука в боковую дверь.

Дежурный заглянул внутрь.

— За Левеком пришли. Говорят, из городской стражи. У них бумага.

— Какая бумага? — спросил я.

— Приказ о переводе свидетеля. Подпись начальника караула.

Левек побледнел. Он не посмотрел на меня, только перевёл взгляд на дверь.

— Это не ваши люди? — спросил он.

— Сейчас проверим.

Я попросил дежурного задержать посетителей в коридоре, не применять силу и не отдавать им Левека. Сам вышел, оставив свидетеля в комнате с писарем. У двери стояли двое в плащах городской стражи. Один держал сложенный лист с сургучной печатью.

— Кто распорядился переводом? — спросил я.

— Начальник караула, — ответил старший. — Свидетеля необходимо доставить на заставу для уточнения показаний.

— Имя начальника?

Он назвал фамилию, которой не было в сегодняшнем списке дежурных. Печать выглядела похожей на служебную, но края оттиска были смазаны. Я не взял лист в руки.

— Оставьте приказ на столе. Я сверю его с журналом.

— У нас нет времени. Нам велено забрать его сейчас.

— Тогда подождёте, пока я проверю полномочия.

Мужчина сделал шаг к двери. Я встал поперёк прохода. Второй обошёл меня сбоку, явно намереваясь пройти к комнате опроса. Я отступил к стене, не пытаясь перехватить его руку. Узкий коридор, две двери и скамья у окна оставляли мало места для манёвра.

— Не входить, — сказал я.

— Отойдите, следователь.

— Покажите приказ дежурному и назовите номер регистрации.

Вместо ответа первый толкнул меня плечом. Я ударился боком о край стола, схватился за него, чтобы не упасть, и услышал, как за спиной распахнулась дверь в комнату писаря. Второй направился туда.

Я не был сильнее его и не успел бы вытащить меч. Зато заметил, что боковая дверь из коридора в кладовую осталась не заперта. Я потянул за ручку и распахнул её. Внутри стояли ящики и узкий проход между стеллажом и стеной. Второй мужчина попытался проскочить мимо меня, задел плечом косяк и потерял шаг. Я толкнул дверь обратно, не запирая её, и крикнул писарю, чтобы он вывел Левека через задний коридор.

Первый схватил меня за ворот. Я ударил его локтем в грудь, скорее чтобы освободиться, чем причинить вред, и отступил в тесный проход. Он последовал за мной, зацепился сапогом за выступающий ящик и налетел на стеллаж. Сверху посыпались пустые папки. Я ухватился за край полки; мужчина попытался подняться, но дежурный уже навалился на него сзади.

Второй успел добраться до комнаты опросов. Писарь, вместо того чтобы вступать в драку, вывел Левека через дверь в архивный коридор. Там дежурил караульный у внутреннего выхода. Он перекрыл путь, поднял руку и потребовал назвать приказ. Мужчина отступил и бросился к лестнице.

Я выскочил из кладовой и увидел, как Левек исчезает за дверью во двор. Писарь шёл рядом, не держал его и не толкал. Он просто показывал дорогу. Левек оглянулся на меня;

на секунду наши взгляды встретились. В его лице не было благодарности — только испуг и решение больше не возвращаться.

Дежурный поймал первого у стеллажа. Тот перестал сопротивляться, когда увидел, что выход перекрыт. При нём нашли поддельный приказ, пустую форму регистрации и два жетона, похожих на городские, но без номера. Второй ушёл через лестницу и скрылся в заднем дворе. Караул подняли, но обыскивать весь квартал ночью я не разрешил: описание было слишком общим, а риск задержать случайного человека — высоким.

Левека нашли не сразу. Он не ушёл далеко — спрятался в мастерской телег за штабелем досок. Когда я подошёл, он сидел на корточках, обхватив голову руками. Я не стал трогать его.

— Я не вернусь в комнату, — сказал он.

— Не нужно. Вы можете уйти с караульным к тётке сестры или остаться в отдельной комнате под охраной. Решать вам.

— Они знали, где меня искать.

— Да.

— Вы сказали, что проверите стражу.

— Мы проверим, кто сделал приказ и откуда у них ваши показания. Сейчас я не знаю, кто их послал.

— Я больше ничего не скажу.

— Понимаю.

Он поднялся. Я не стал убеждать его продолжить опрос. Свидетель оставался жив, но отказывался говорить дальше. Это было его право, а попытка увезти его делала каждое дальнейшее слово опаснее.

Мы вернулись в управу после полуночи. Я велел внести нападение в отдельный протокол: двое неизвестных, форма городской стражи, поддельный приказ о переводе, один задержан, второй скрылся. Ни один из них не был признан сотрудником стражи. На найденных жетонах не было номеров, а печать на приказе ещё следовало проверить.

В сводке о Левеке я оставил только подтверждённое и его собственные слова с точными оговорками: он признаёт перевозку незаконных кристаллов; маршрут частично совпадает с географией старого тракта; даты и заказчик неизвестны; участие в убийстве отрицает; сведения о принуждении семьи требуют отдельной проверки. Его рассказ не доказывал, кто забрал кристалл после гибели мага. Попытка вывезти его показывала, что кто-то не хотел, чтобы он продолжал разговор, но сама по себе не устанавливала, кто именно.

Перед уходом я заметил кровь на манжете. Не свою — на руке, где зацепил задержанного за ворот. Я вымыл её в умывальнике и вернулся в кабинет. Там лежала анонимная записка. Я убрал её в отдельный конверт рядом с протоколом о нападении, не сшивая документы вместе.

Наутро предстояло проверить печать на поддельном приказе и установить, кто знал о времени допроса. Левек не обещал вернуться к показаниям. Я не собирался требовать от него смелости, которой сам не мог гарантировать защиту. Но теперь у нас было не только имя на анонимной записке. Был человек, который признавал перевозку кристаллов, маршрут, частично совпадающий с географией старого тракта, и попытка увезти его под видом законного перевода. Каждый из этих фактов требовал проверки отдельно.

Глава шестая: Два отчёта

К утру в управе пахло мокрой шерстью и чернилами. Ночью прошёл дождь; вода стекала с плащей посетителей на каменный пол, а писарь поставил возле двери жестяной таз, чтобы не разводить грязь по коридору. Я пришёл раньше обычного и положил на стол отдельную папку с материалами по Левеку. На обложке написал: «Проверка показаний. Не соединять с делом об убийстве до подтверждения». Имя контрабандиста оставалось в работе, но не заменяло расследование.

Левек не вернулся. Дежурный сообщил, что он переночевал у родственницы сестры и перед рассветом ушёл, не оставив адреса. Это не было нарушением: он не находился под арестом и ничего не обещал. Я не стал отправлять за ним патруль. Его рассказ уже был записан, а после попытки увезти его поддельным приказом любое настойчивое преследование могло выглядеть для него как новая угроза.

Проверка задержанного тоже не дала быстрого ответа. Человек назвался чужим именем и отказывался говорить, кто снабдил его формой и печатью. На жетонах не было номера. Служебный приказ оказался составлен на настоящем бланке, но его регистрационный номер относился к прошлому месяцу и к совершенно другому делу. Всё это требовало разбирательства, однако пока не указывало на конкретного заказчика. Я записал поручение проверить выдачу бланков и вернулся к основной папке.

В ней лежали два документа об одной охоте на Обречённого. Первый был копией отчёта охотничьей гильдии, переданной в казённое управление вместе с заявкой на возмещение расходов. В нём значились место, состав отряда, использованное снаряжение и итог: Обречённый уничтожен, кристалл обнаружен и принят старшим охотником для сдачи в казну. Второй документ — казённая запись о поступлении кристалла и закрытии операции. Там тот же номер охоты, те же место и дата, но иной итог: кристалл доставлен в казну и принят хранителем.

При обычном чтении различие могло показаться канцелярским. Гильдия фиксировала находку и передачу старшему охотнику, казна — последующее поступление. Но обе бумаги были подписаны так, будто автор лично присутствовал при событии, и обе описывали одну операцию как завершённую. В отчёте гильдии стояла подпись старшего охотника Вейна Орта. В казённой книге — подпись хранителя Ивара Селта, принявшего кристалл.

Я начал не с вывода, а с проверки даты. Время охоты совпадало с записями о патрулях на границе и с отметками о закрытии западных ворот. Дата была одна и та же, не перепутанная из-за смены календарной ведомости. Место — овраг у Белого ручья — тоже совпадало в обеих версиях. Наконец, номер операции: в обоих документах указан 4187.

Сходились исходные сведения. Не сходилось то, кто и когда поставил подписи.

Я попросил младшего служащего принести регистрационные книги гильдии и казны, а сам сверил подписи с карточками образцов. Печати на копиях были подлинными по оттиску: на гильдейском листе — знак охотничьего двора, на казённом — круг с тремя ключами. Подписи выглядели привычно, без очевидной подделки. Но это подтверждало лишь, что документы прошли через учреждения или использовали их знаки. Бумаги не доказывали, что подписанты держали их в руках именно в указанный день.

В журнале гильдии обнаружился короткий маршрутный лист отряда Орта. В день охоты они действительно покинули город на рассвете и вернулись вечером. На полях дежурный отметил, что группа прибыла без одного из арбалетчиков, которого отправили в лазарет из-за сломанного пальца. Это не подтверждало наличие кристалла, но показывало, что отряд находился в нужном районе. В казённой книге, напротив, не было отметки о приёме груза в тот же день — только итоговая запись, заверенная позже.

Я перелистнул журнал обратно и нашёл отметку о командировке Ивара Селта. За день до охоты он выехал в Лиорскую заставу с ревизионной группой и вернулся через четыре дня. На отрывном листе стояли подписи начальника караула и двух сопровождающих. Запись была внесена в журнал выездов, а в расходной книге отмечена выплата дорожных денег. Подпись Селта под казённым актом о приёме кристалла датировалась днём охоты.

Я сравнил её с подписью на ведомости командировки. Линия была похожа, но не настолько, чтобы одно сходство решало вопрос. Человек мог подписать дважды по-разному; писарь мог переписать имя; другой служащий мог скопировать образец. Пока я знал только, что документ приписывает Селту присутствие в казне в день, когда журнал выезда помещает его в другом городе.

Начальник управления прочёл обе записи и задержал палец на подписи.

— Значит, кристалл украли? — спросил он.

— Нет. Значит, в документах есть противоречие. Мы ещё не установили, был ли кристалл передан, кто его принял и когда оформили запись.

— Гильдия сообщает, что сдала его.

— Гильдия сообщает, что старший охотник принял кристалл для сдачи. Казна сообщает, что хранитель принял его. Это разные действия, даже если в бумагах они сведены в один день.

Он отложил листы.

— Проверьте Селта.

— Проверю. И саму цепочку регистрации.

Начальник хотел добавить что-то ещё, но передумал. Он не был человеком, который любил поспешные обвинения, однако дело уже вызывало давление сверху: исчезнувший кристалл принадлежал казне, а расследование начинало затрагивать работу двух учреждений. Я попросил разрешение получить заверенные копии исходных журналов, а не только выписки. Он подписал запрос.

До полудня я поговорил с писарем казённой палаты, который регистрировал акты того месяца. Он помнил, что книга поступления была переплетена заново после того, как у корешка разошлись нити. Саму запись 4187 он не помнил. Номер был внесён аккуратным почерком, а соседние строки — другой рукой. Это могло объясняться сменой писарей, но в поле исправлений стояла тонкая черта, почти незаметная на копии. Писарь сказал, что исправления обычно заверяли инициалами. На листе инициалов не было.

— Вы проверяли оригинал? — спросил я.

— Я видел книгу, когда её приносили переплетать. Не каждую строку. Тогда никто не знал, что именно эта запись станет важной.

— Кто имел доступ к книге после переплёта?

— Хранитель, старший писарь и двое служащих, которые готовили месячный свод. Ещё ревизоры, если приходили с распоряжением.

— Вы помните, кто работал над сводом?

Он перечислил двоих. Один умер прошлой зимой, второй переведён в северную палату. Я записал имена, не ставя рядом слова «подозреваемый».

В гильдейском журнале номер 4187 был обведён тонкой синей линией. Та же линия встречалась возле нескольких закрытых операций. На полях стоял знак, похожий на крючок. Служащая, выдавшая мне книгу, сказала, что это отметка сверки старшего писаря, но имя проверявшего не назвала: подписи возле знака не было.

Я попросил её показать соседние страницы. В двух случаях такая отметка сопровождала обычную передачу оборудования. В третьем — закрытие охоты, после которой кристалл был сдан с задержкой на девять дней. Это не устанавливало связи с операцией 4187. Знак мог означать только то, что лист сверяли. Но одинаковая отметка в разных делах заставляла выяснить, кто её ставил и по каким правилам.

После обеда меня вызвали в архивный коридор. Элиана Вель ждала возле окна с тонкой папкой под рукой. Она не выглядела удивлённой, что я пришёл; скорее, проверяла, кто ещё может нас услышать.

— Вы запросили реестр по охоте 4187? — спросила она.

— Да. В официальном порядке.

— Тогда вы получите нынешнюю копию.

— А есть другая?

Она не ответила сразу. За её спиной архивариус перекладывал связки дел с тележки на полки. Когда он скрылся за дверью, Элиана положила папку на подоконник, но не отпустила её.

— В старом реестре номер операции записан иначе, — сказала она. — Отличается на одну цифру.

— Какой номер?

— Сначала мне нужно понять, что именно вы ищете. Если вы хотите доказательство кражи, у меня его нет.

— Я ищу расхождение между документами и проверяю, откуда оно появилось.

— Тогда вам пригодится копия. Но не задавайте сейчас вопросов о том, где я её нашла.

— Вы понимаете, что я обязан зафиксировать происхождение документа, когда приму его как улику?

— Понимаю. Поэтому я не прошу приобщать его к делу. Посмотрите, сравните с официальным реестром, а дальше решите, что можно проверить без моих слов.

Её рука лежала на папке крепко. Я видел, что она не передаст её, если начну требовать объяснений. Я также не мог сделать вид, будто вопрос о происхождении не важен. Копия могла быть подлинной, старой и полезной; могла быть неполной или изменённой. Ни один из этих вариантов не следовал из того, что она говорила.

— Я запишу, что получил от вас копию документа для предварительного сравнения, — сказал я. — Пока не буду указывать её как подтверждённый источник. Вы согласны?

Элиана подумала и кивнула.

— Да. Только не оставляйте её в общем шкафу.

Она передала папку. Внутри лежал один лист на тонкой серой бумаге, сложенный пополам. Заголовок был выцвел, но читался: «Реестр охот и передачи имущества». В строке, относящейся к Белому ручью, номер операции выглядел как 4181, а не 4187. Остальные сведения — дата, название гильдейского отряда, место и фамилия Вейна Орта — совпадали с нынешней копией.

Я не стал касаться оригинала листа, пока не подготовил чистую поверхность. На нижнем краю виднелись следы старого сгиба, а бумага была тоньше той, на которой печатали нынешние выписки. Чернила выцвели неравномерно. Сама по себе старость документа не подтверждала его происхождение, как и отличие одной цифры не доказывало подмену.

— Откуда он? — спросил я.

— Я уже сказала, что не буду отвечать.

— Тогда мне придётся проверить его независимо. Если выяснится, что копия ложная, это тоже важно.

— Проверяйте.

Я положил лист между двумя чистыми страницами и записал время передачи. Элиана не подписала протокол, но согласилась, чтобы я отметил её как человека, передавшего материал без утверждения его подлинности. Я не стал называть её источником реестра — только передавшей копию. Это была точная граница того, что она сказала.

— Вы знали, что подпись Селта поставлена в день его командировки? — спросила она.

— Проверяю это сейчас.

— Значит, уже видели запись о выезде.

— Откуда вы знаете, что там такая запись?

— В казённых книгах многое повторяется. Я не говорю, что видела именно её.

Её ответ был осторожен, почти формален. Я не стал настаивать. Элиана не раскрыла, как получила старую копию, и не объяснила, почему решила передать её именно мне. Это оставалось отдельным вопросом, а не основанием объявлять её причастной или невиновной.

— Если кто-то спросит, вы не приносили мне документ? — уточнил я.

— Я не хочу, чтобы в архиве решили, будто я выношу бумаги. Я передала копию, а не оригинал.

— Я не обещаю скрывать факт передачи, если расследование потребует его официально зафиксировать.

— Я этого и не прошу.

Она забрала пустую папку и ушла обратно в архив. Я остался у окна с листом, который мог оказаться старой копией, черновой выпиской или подделкой. Один неверный знак способен направить расследование в нужную кому-то сторону. Я не собирался называть его уликой до проверки.

К вечеру в управу пришёл ответ на запрос о командировке Ивара Селта. Казённая палата прислала заверенную копию дорожной ведомости, в которой отмечались остановки ревизионной группы. В день охоты они находились у Лиорской заставы. Под записью стояли подписи самого Селта и двух сопровождавших его служащих. Их имена совпадали с журналом выездов, но подтверждение ещё не было независимым: обе книги велись учреждениями, чьи бумаги мы проверяли.

Я послал запрос в заставу, чтобы найти тамошний журнал приёма ревизоров и сведения о ночлеге. Ответа раньше следующего дня не ждал. До его получения точная формулировка была такой: документы казны помещают Селта в Лиорской заставе, тогда как акт о приёме кристалла указывает, что в этот день он заверил операцию в столице. Это серьёзное противоречие, но не доказательство того, что кристалл украли или что подпись подделали.

Я сопоставил номер 4187 из казённой книги с реестром гильдии и старой копией Элианы. В нынешних документах операция повторялась под одним номером. В старой копии строка 4181 совпадала по месту, дате и фамилии отряда. Если копия подлинная, возникал вопрос: изменился номер при переписывании, или к операции присоединили чужую запись? Если она неподлинная, кто и зачем изготовил её так, чтобы она почти совпадала с официальным реестром?

На отдельном листе я перечислил то, что было установлено, и то, что оставалось неизвестным. Установлено: гильдия зарегистрировала охоту у Белого ручья; в её отчёте сказано, что кристалл обнаружили и передали старшему охотнику; казённая запись утверждает, что хранитель принял кристалл; Селт, согласно нескольким ведомостям, находился в день операции за пределами столицы; Элиана передала старую копию с отличающимся номером. Не установлено: существовал ли кристалл именно в этой охоте; кто физически его видел; состоялась ли передача казне; кто подписал акт; откуда взялась копия Элианы и почему номер расходится.

Я поймал себя на мысли, что несколько раз за день возвращаюсь к одной и той же возможности: кто-то не просто ошибся, а выстроил бумаги так, чтобы одна запись прикрывала другую. Это была гипотеза. Её нельзя было вписать в протокол как вывод, пока не появятся независимые подтверждения. Но случайная описка уже казалась недостаточным объяснением: слишком много разных документов сходились в месте и дате и расходились только там, где речь шла о номере и передаче кристалла.

Я закрыл папку и оставил копию Элианы отдельно, в конверте с пометкой о предварительной проверке. В официальное дело внес только запросы, ответы и противоречия между реестрами. Копию не приложил к заключению и не назвал доказательством. Утром предстояло начать с двух вещей: получить подтверждение из Лиорской заставы и проверить номер 4181 по старым журналам гильдии.

На столе уже лежало распоряжение о допуске к материалам охотничьей гильдии. Оно позволяло ознакомиться с частью реестров, но не давало права требовать внутренние списки охотников без отдельного основания. Гильдейский двор открывался с рассветом. Я записал имя старшего охотника Вейна Орта и адрес гильдии, затем убрал распоряжение в папку.

Два отчёта давали две версии одной передачи, а старая копия добавляла третью цифру к номеру, который считался закрытым. Я не знал, какая запись возникла первой и кто восполь-

зовался чужой подписью. Но чтобы понять, что именно гильдия считает своей охотой, завтра мне предстояло войти во двор охотников и говорить с теми, чьи печати стояли на бумагах.

Глава седьмая: Гильдейский двор

Я пришёл в гильдию охотников к открытию. Дождь прекратился, но каменные плиты на улице оставались мокрыми. В кармане лежало распоряжение на осмотр части реестров, подписанное начальником управления; в папке — копии двух отчётов и выписка о командировке Ивара Селта. Старая копия, переданная Элианой, осталась отдельно. Её подлинность не была установлена, и предъявлять её как доказательство я не собирался.

Гильдейский двор занимал бывший постоялый двор у северной стены. Ворота были открыты, но у входа сидел привратник с книгой посетителей. За ним, в глубине, виднелись конюшни, оружейная и длинное здание с рядами узких окон. Двое охотников чистили арбалеты под навесом. Они не подняли голов, пока я называл себя, но оба проследили, как привратник записывает моё имя.

— По распоряжению управления, — сказал я и показал бумагу.

Привратник прочитал её дважды.

— Здесь разрешён осмотр регистрационных записей по делу 4187. Внутренние списки состава и личные карточки не указаны.

— Я знаю. Мне нужен старший охотник Вейн Орт.

Он отправил мальчишку в здание и попросил подождать у стены. Я не стал заходить дальше без сопровождения. В гильдейском дворе каждый предмет имел своё назначение, а любой шаг через невидимую границу мог превратить обычный разговор в спор о полномочиях.

Пока ждал, осмотрел вход. На воротном столбе висела бронзовая табличка с перечнем лицензированных отрядов. Некоторые названия были перечёркнуты и заменены новыми; возле одного оставили знак, похожий на узкий веер. На другой стороне двора работник вывешивал мокрые плащи. Охотники вели себя так, будто визит следователя был неприятностью, но не неожиданностью.

Вейн Орт вышел сам. Он был широкоплечим, с коротко подстриженными седыми волосами и шрамом, пересекавшим подбородок. На поясе носил меч, не парадный, с потемневшей рукоятью. За ним шёл молодой писарь с кожаной книгой под мышкой.

— Корин? — спросил Орт.

— Да. Благодарю, что приняли.

— Это не означает, что я собираюсь отдавать вам всё, что вы попросите.

— Я прошу только то, на что у меня есть разрешение.

— Тогда посмотрим, насколько точно вы умеете читать собственную бумагу.

Он провёл меня в комнату у главного здания. Там стоял длинный стол, покрытый царапинами от ножей и чернильниц. Орт не предложил сесть, пока сам не занял место у окна. Писарь положил книгу рядом и остался стоять.

Я показал копию отчёта по охоте 4187.

— Подтверждаете, что это ваша печать? — спросил я.

Орт посмотрел на лист.

— Печать гильдейская. Но не моя.

— В отчёте указано, что кристалл после охоты у Белого ручья принял ваш отряд.

— Мой отряд там не охотился.

Я не ответил сразу. В его голосе не было ни удивления, ни театрального возмущения. Он произнёс это так, словно исправлял чужую ошибку в ведомости.

— Вы утверждаете, что ни один ваш охотник не участвовал в операции 4187?

— Я утверждаю, что мой отряд не проводил охоту, описанную в этом отчёте. В тот день мы были на южном тракте, сопровождали обоз с лекарствами. Есть дорожный лист и запись у заставы.

— Вы помните это лично?

— Да. Я отвечал за группу.

— Кто входил в отряд?

— Внутренние списки я не передам без отдельного распоряжения.

— Я не прошу передать список. Пока. Мне нужно понять, какой журнал проверить.

Орт откинулся на спинку стула.

— Вы уже решили, что гильдия виновата, и теперь ищете нужный журнал.

— Я проверяю документы, в которых стоит печать гильдии. Это не одно и то же.

— Для тех, кто привык работать с бумагами, может быть. Для нас это люди, которых вы запишете в дело одним словом — «подозреваемые», а потом будете удивляться, почему они не спешат помогать.

— В выписке не указано ни одного вашего человека, кроме вас. Я не собираюсь добавлять имена без оснований.

— Но вы пришли с вопросом о кристалле, которого, по вашим бумагам, мой отряд получил.

— Именно поэтому я спрашиваю, проводилась ли охота.

Он развернул отчёт к себе и проследил пальцем по строкам. На печати гильдии был небольшой разрыв в нижнем кольце — такой же, как на других документах. Подпись Вейна Орта под итогом не выглядела грубо поддельной. Но Орт покачал головой.

— Это не моя подпись.

— Вы можете подтвердить это официально?

— Могу сказать, что не подписывал эту бумагу. Если вы оформите опрос по правилам, отвечу под запись. Но сначала покажите мне оригинал или заверенную копию, а не лист, который кто-то мог переписать.

Я указал на отметку о заверении и регистрационный номер. Орт проверил их, затем попросил писаря принести журнал выдачи отчётов. Писарь ушёл и вернулся через несколько минут с книгой, где каждая передача документов отмечалась датой, именем курьера и подписью получателя.

Отчёт 4187 числился выданным в казначейство три недели после предполагаемой охоты. Получатель — служащий по фамилии Мерн. Подпись в книге была разборчивой, но не совпадала с подписью Вейна Орта. Это соответствовало обычному порядку: старший отряда составлял отчёт, писарь регистрировал его, курьер доставлял. Однако в графе «составил» стояла фамилия Орта, а гильдейская запись о его отряде указывала, что тот находился в другом месте.

— Кто заполнял эту книгу? — спросил я.

— Гильдейский писарь, — ответил Орт. — Но я не стану называть человека виновным, пока мы не проверим его смены и подписи.

— Я не спрашивал, кто виноват. Мне нужно имя регистратора.

Орт посмотрел на писаря.

— Таллен. Он в тот месяц вёл приём отчётов.

Писарь Таллен побледнел, но не возразил.

— Вы составили запись 4187? — спросил я.

— Я внёс её в журнал по документу, который мне передали. Не помню, кто принёс конкретно. Это было давно.

— Сохранился ли журнал дежурств?

— Должен быть в архиве.

— Я запрошу его официально.

— И получите, — сказал Орт. — Если распоряжение будет касаться именно этого журнала.

Он произнёс это без насмешки. В его словах была граница, которую он собирался удерживать. Я мог счесть её попыткой затруднить расследование; мог также признать, что гильдия не обязана открывать личные дела по одному лишь интересу следователя. Я записал нужное для запроса и перешёл к содержанию отчёта.

— Здесь указано, что кристалл был найден у Обречённого и передан старшему охотнику. Вы утверждаете, что вашего отряда там не было. Можете ли вы сказать, проводил ли эту охоту другой лицензированный отряд?

— Не без журнала распределения вызовов. А его вы не запросили.

— Запрошу.

— Хорошо. Но не называйте несходство номеров доказательством кражи. В гильдии есть операции, которые перенумеровывали после отмены или объединения заявок. Иногда писарь ошибался. Иногда начальство исправляло запись. Это не оправдывает подделку, если она была, но и не делает любой разрыв преступлением.

— Я не называю.

— Вчера вы уже решили, что за бумагами стоит схема?

Я задержал ручку над блокнотом. Не говорил ему о своей внутренней гипотезе и не собирался излагать её как установленный факт.

— Я проверяю, объясняется ли расхождение обычной ошибкой. Пока у меня нет ответа.

Орт некоторое время молчал. Потом достал из ящика чистый бланк и придвинул к себе.

— Я подпишу заявление, что мой отряд не проводил указанную охоту. Внесу дату и маршрут по южному тракту. Но имена охотников приложу только после официального запроса.

— Этого достаточно для начала проверки.

Он написал несколько строк, прочёл их и добавил, что сведения основаны на личной памяти и могут быть сопоставлены с дорожным журналом заставы. Такая оговорка мне подходила. Я не стал просить усилить формулировку. Орт подписал лист, приложил гильдейскую печать и передал его мне через стол.

Я принял документ, не убирая сразу в папку.

— Вы сказали, что не доверяете канцелярии, — заметил я.

— Не доверяю без проверки. К канцелярии это тоже относится.

— Тогда мы в этом согласны.

— Не торопитесь соглашаться. Вы пока не знаете, кому от этого будет хуже.

Он поднялся, и разговор был закончен. Писарь Таллен проводил меня в комнату регистрации. По распоряжению я просмотрел страницы, относящиеся к выдаче и возврату отчётов, но не стал перелистывать личные записи о составе отрядов. В журнале нашёлся ещё один номер рядом с 4187 — 4181, перечёркнутый тонкой чертой и исправленный на 4187. Инициалы исправившего отсутствовали. На полях стоял крючкообразный знак, похожий на тот, что я видел в предыдущих книгах.

— Это обычная отметка? — спросил я.

Таллен пожал плечами.

— Иногда ставили, когда запись сверяли. Кто именно — не скажу. У нас не всегда подписывали каждую проверку.

— А исправление номера было до передачи отчёта?

— По чернилам не определю. Книга старая. Надо спросить архивиста.

Я отметил страницу и номер, не вырывая и не копируя ничего без разрешения. Орт дал мне заявление; гильдейская книга показывала исправление; ни то ни другое ещё не устанавливало, кто создал отчёт об охоте и был ли кристалл. Я попросил заверенную выписку по записи и получил обещание подготовить её к следующему дню.

Когда я вышел во двор, у ворот стояли двое мужчин в тёмных дорожных куртках. Они не носили знаков гильдии и не были похожи на караульных. Один смотрел на меня, второй — на заднюю дверь, откуда вышли два охотника с тренировочными клинками. Я прошёл мимо, не ускоряя шага. Орт задержался у порога главного здания и следил за ними.

— Вы пришли не один, Корин? — спросил он.

— Нет.

— Тогда кто-то знал, что вы здесь.

— Или просто ждал кого-то другого.

Орт усмехнулся.

— Вот теперь вы говорите как следователь.

Я направился к воротам. Первый мужчина пошёл навстречу, будто собирался пройти мимо, но плечом задел меня и резко развернулся. Второй перекрыл выход. Всё случилось быстро, но не настолько, чтобы я не заметил: оба держали руки свободно, один уже сместил ногу к моей стороне, а за спиной оставался двор, узкий между стеной и конюшней.

— Матвей Корин? — спросил первый.

— Кто спрашивает?

— Есть разговор.

— Назовите себя.

Вместо ответа он схватил меня за рукав и рванул в сторону. Я вывернул руку, но ткань натянулась и треснула у шва. Второй шагнул ближе; я отступил к воротному столбу. Там мне пришлось бы защищаться в узком проходе, не зная, сколько людей осталось за спиной.

— Стойте! — крикнул Орт.

Один из охотников бросил тренировочный клинок на землю и рванул к воротам. Мужчина, державший меня, отпустил рукав и ударил в ответ. Удар пришёлся по плечу Ортова человека; тот споткнулся, но удержался на ногах. Орт уже был рядом. Он не растворился в тени и не применил скрытие присутствия. В тесном дворе это отрезало бы его от остальных: он не увидел бы, куда ушёл второй нападавший, и не услышал бы, что происходит у ворот.

Орт поднял руку, удерживая дистанцию, и коротко приказал гильдейцам не бросаться всей группой. Несколько охотников сомкнули проход к конюшне, оставив свободным центральный двор. Это не было строем для боя, скорее способом не дать нападавшим исчезнуть среди людей.

Первый снова рванулся ко мне. Я отступил вбок; он зацепил плечом столб и потерял равновесие. Я попытался схватить его за запястье, но промахнулся. Он вывернулся, ударил меня в бок и бросился к боковому выходу. Боль заставила меня согнуться, но я удержался на ногах. За спиной Орт перехватил второго, который пытался пройти к конюшне.

Тот оказался быстрее. Он ударил Орта рукоятью ножа по предплечью, выскользнул из захвата и побежал вдоль стены. Орт не стал преследовать его в одиночку. Он крикнул охотникам перекрыть ворота, но нападавший уже проскочил между двумя телегами и вылетел на улицу. Первый последовал за ним. Один из охотников успел схватить его за плащ, ткань разорвалась; мужчина вывернулся и исчез за углом.

На камнях осталась пряжка. Она отлетела от плаща и ударилась о бордюр. Я поднял её не голой рукой, а чистой тряпицей, которую попросил у привратника. Металл был тёмный, почти чёрный; на лицевой стороне — знак из трёх коротких линий, расходящихся от маленького круга. Я прежде его не видел. На обороте не было ни имени мастерской, ни номера партии.

— Узнаёте? — спросил я Орта.

Он потёр ушибленное предплечье и посмотрел на пряжку.

— Нет. Это не знак нашей гильдии.

— Похож на клеймо охранного союза?

— Похоже на многое, если смотреть после нападения. Не делайте выводов по рисунку.

— Не собираюсь.

Орт протянул мне чистую тряпицу, чтобы завернуть находку.

— Напишите, что нашли её здесь. Не укажите, будто она принадлежит нападавшему, пока не проверите, что он её носил.

— Я так и запишу.

Он посмотрел на меня внимательнее, чем до нападения.

— Вы действительно так работаете или только говорите это, когда рядом свидетели?

— Проверка не зависит от того, кто слушает.

— Хороший ответ. Не значит, что я вам доверяю.

— Я и не просил.

Орт велел одному из охотников вызвать городскую стражу и передать, что на территории гильдии было нападение. Я попросил никого не трогать пряжку и не менять расположение телег до осмотра. Привратник подтвердил, что мужчины вошли через ворота за несколько минут до моего выхода, но не записались. Он не смог сказать, видели ли их раньше. Другой охотник запомнил, что один из них спрашивал дорогу к конюшням, однако это было до начала разговора и могло быть попыткой отвлечь внимание.

— Вы знали, что на вас нападут? — спросил я Орта.

— Нет.

— Видели этих людей раньше?

— Нет. По крайней мере, не узнал.

— Почему вмешались?

Он посмотрел на порванный рукав.

— Потому что они напали у ворот моей гильдии. Не потому, что верю во все ваши версии.

— Я не просил верить.

— Это хорошо. Иначе разговор стал бы ещё короче.

Стража прибыла через четверть часа. Я передал дежурному описание нападавших, время появления и обстоятельства, отдельно указав, что ни одного из них не задержали. Пряжку зарегистрировали как найденный предмет, не как вещь, изъятую у подозреваемого. Орт подтвердил, что на ней нет знака гильдии, но отказался предполагать, кому она принадлежит. Я не стал просить его изменить показания.

Когда протокол был составлен, Орт вернулся к первоначальному разговору.

— Завтра подготовим заверенную выписку по журналу. Но внутренний список отряда останется закрытым, пока вы не принесёте распоряжение.

— Я подам запрос сегодня.

— Тогда и поговорим.

— А о тех, кто напал?

— Если узнаю что-то, сообщу. Но не обещаю раньше, чем проверю сам.

Мы разошлись у ворот. Я унёс копию заявления Орта, запись о исправленном номере 4181 на 4187 и завернутую пряжку. В папке уже лежала старая копия Элианы с тем же расхождением, но её происхождение по-прежнему оставалось неизвестным. Теперь у меня было совпадение двух разных источников, однако не было доказательства, что они связаны или что одна запись была подменена намеренно.

В управлении я составил запрос на внутренний список отряда и журнал распределения вызовов гильдии. К запросу приложил копию распоряжения на осмотр, но не приложил пряжку и не написал, что она указывает на какую-либо организацию. По нападению завели отдельную запись. Я попросил стражу проверить маршрут отхода нападавших, но не задерживать людей только за тёмную куртку или знак на одежде.

В конце дня я разложил на столе четыре предмета: заявление Вейна Орта, выписку из журнала, копию Элианы и пряжку. Они относились к разным вопросам. Заявление ставило

под сомнение участие отряда Орта в охоте. Выписка подтверждала исправление номера, но не объясняла его. Копия Элианы повторяла расхождение, оставаясь непроверенной. Пряжка была найдена после нападения, но её владельца мы не знали.

Нападавшие пришли в гильдейский двор именно в тот день, когда я задавал вопросы об охоте 4187. Это могло быть связано с расследованием. Могло быть и попыткой запугать меня по иной причине. Пока не было установлено даже то, кто они. Я внёс эту оговорку в протокол и закрыл папку.

На следующее утро предстояло выяснить, кто изготовил или продал такие пряжки. Я знал одного торговца, который работал с оружейниками и принимал заказы на редкую фурнитуру. Его лавка находилась у старого рынка. Имя торговца было Бран Таль. Я записал его адрес на обороте распоряжения и положил пряжку в отдельный конверт.

В гильдейском дворе мне не дали списка охотников, зато подтвердили, что отряд Орта не проводил описанную в отчёте охоту. А у ворот неизвестные оставили предмет, чей знак предстояло проверить, не превращая находку в готовое обвинение. Завтра я должен был начать именно с этого: не искать владельца по сходству, а выяснить, кто мог изготовить и продать такую пряжку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.